

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Запись дискуссии, проходившей в рамках рабочего совещания «Культурные факторы воспроизводимости в дискурсе» 02 декабря 2004 года в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ

В дискуссии принимали участие: д.ф.н., проф. Ю. А. Сорокин (ИЯз РАН), к.ф.н., доц. М. Л. Ковшова (ИЯз РАН), к.ф.н., доц. С. А. Ромашко (ИНИОН РАН, ИЯз РАН, МГУ), д.ф.н., проф. В. И. Борботько (РСГУ), Е. В. Черникова (писатель, радиожурналист), д.ф.н., проф. Л. О. Чернейко (МГУ), к.ф.н., доц. Т. Б. Дианова (МГУ), д.ф.н., проф. Т. Д. Венедиктова (МГУ), д.ф.н., проф. Д. Б. Гудков (МГУ), д.ф.н., проф. В. В. Красных (МГУ).

В.К. (Виктория Красных) Ну, что ж, коллеги, давайте начнем. В-первых, наша сегодняшняя встреча будет записываться на видеомэгни-тофон. Делается это для того, чтобы потом, при расшифровке, не сделать ошибки и не приписать какие-либо слова другому человеку, чтобы никому не было обидно. И, во-вторых, как вы видите, сегодня на нашей встрече не присутствует Вероника Николаевна Телия. Она, к величайшему сожалению, приболела и не смогла прийти, хотя и рвалась к нам. В любом случае она передавала нам всем огромный привет. И она очень надеется, что ее идеи – а ее основные идеи были на руках у основных и самых активных, как я надеюсь, участников, – что эти идеи будут сегодня обсуждаться каким-то образом. Кроме этого, виртуально с нами присутствуют Игорь Васильевич Ружицкий, в силу объективных причин он не смог сегодня прийти, но он прислал заранее свои материалы, и Ирина Владимировна Захаренко, с которой я накануне обсуждала вопросы сегодняшней дискуссии по телефону.

И вот сейчас мы уже начинаем нашу работу, но прежде чем обсуждать что-либо, я позволю себе представить основных участников... в первую очередь для наших молодых коллег, чтобы вы знали, кто у нас сегодня в аудитории. Я уверена, что многих вы, конечно, знаете, если не в лицо, то уж по крайней мере по работам. Я начну с Вас, Людмила Олеговна, если можно...

Л.Ч. (Людмила Чернейко) Да, я крайняя...

В.К. ... хотя Вас, конечно, все знают. Сергей Александрович Ромашко, Дмитрий Борисович Гудков, Юрий Александрович Сорокин, Владимир Игоревич Борботько, Елена Вячеславовна Черникова, Татьяна Дмитриевна Венедиктова, которая спряталась среди аудитории, и Тать-

яна Борисовна Дианова, которая сидит на галерке сегодня. И, опаздывая немножко, сейчас подойдет Мария Львовна Ковшова.

Ну, а теперь я позволю себе присесть, поскольку, я надеюсь, у нас будет такая действительно рабочая атмосфера. Сегодня мы попробуем обсудить те вопросы, которые были заявлены в нашем информационном письме, связанные с культурными факторами воспроизводимости в дискурсе, и, соответственно, блок вопросов, которые связаны с человеком в языке и языком в человеке. Вообще, как это понимать и что это такое: человек в языке и язык в человеке, как они проявляются в коммуникации, непосредственно в нашем дискурсе и т. д. И позволю себе начать с некоторых своих идей, которые я сформулировала – в том числе – с опорой на идеи Вероники Николаевны. У меня получается такое длительное вступление, но я надеюсь, что оно скоро уже закончится... Итак, для меня культурные факторы воспроизводимости предопределяются – в том числе и, вероятно, в первую очередь – определенной системой координат лингвокультуры. То есть: есть некая система координат лингвокультуры. И сразу возникает вопрос: как может изучаться лингвокультура? С моей точки зрения, она может изучаться в терминах культурного пространства. То есть мы не изучаем, как мне кажется, собственно феномены материальной культуры, как, скажем, стол или какое-то произведение (произведение литературы или искусства) или что-то еще, а мы изучаем все-таки тот образ, или то представление о том или ином феномене, который актуален для самой культуры. И овнешняется это культурное пространство в определенных знаках ментально-лингвального комплекса. За этими знаками стоит определенное представление, определенное стереотипное представление, в ряде случаев – сжатые сюжеты. В связи с этим гипотезы, которые мне хотелось бы сегодня озвучить, выглядят таким образом. Если говорить о системе координат лингвокультуры, то для меня эта система предстает как совокупность осей... они не жестко разграничены, они переливаются, они переходят друг в друга, они взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой, между ними нет жестких границ... это некие подсистемы. И эти подсистемы представлены следующим... Первая подсистема тяготеет к когнитивным исследованиям (прошу не путать с когнитивной лингвистикой)... позволю себе такую вольную метафору: по аналогии с базовым уровнем Элеонор Рош – это когнитивный базовый уровень. Основные единицы этой подсистемы – это те самые ментефакты, в которых овнешняется культурное пространство. Соответственно, если говорить о том, что такое стереотипы сознания, то, с моей точки зрения, это ментефакты в их национально-культурной аранжировке. Мне кажется так. Вторая подсистема связана с метафорическим взглядом на мир. Это

метафорический базовый уровень. И здесь элементами, основными единицами являются базовые метафоры. Они, конечно, напрямую не связаны с метафорами, которые в 1980 году придумали Лакофф и Джонсон, но тем не менее каким-то образом с ними соотносятся. Третья подсистема – это подсистема эталонов культуры. И четвертая – это подсистема символов культуры. И если мы обратимся к идеям Вероники Николаевны Телия, то мы увидим, что Вероника Николаевна предлагает шаги на пути к интерпретации языковых сущностей в контексте культуры¹. Первый шаг связан с соотношением языковых структур с базисными пластами культуры. Второй связан с установлением корреляции с кодами культуры. Третий шаг – с соотношением с различными тропами. Четвертый шаг – расшифровка собственно языкового образа в целом как знака «языка» культуры.

Вот это основные идеи, которые могут быть, как мне кажется, сегодня предметом обсуждения, хотя я на этом и не настаиваю, но мне так кажется.

А теперь я хотела бы дать слово другим, чтобы услышать мнения других участников нашего разговора.

Поскольку мы говорим о стереотипах сознания, то, соответственно, что может стать стереотипом сознания, каковы пути его создания, то есть *что* и *как* может подвергнуться стереотипизации?

Ю.С. (Юрий Сорокин) Все что угодно может стать стереотипом сознания.

В.К. Вы в этом уверены, Юрий Александрович?

Ю.С. Абсолютно. Самое главное...

С.Р. (Сергей Ромашко) В принципе – да.

Ю.С. Стереотипизация ... анализ ее губит. Она обуславливается простой все-таки вещью, которая всем нам очень знакома... Лениью...

В.К. Согласна, но ведь с другой стороны...

Ю.С. Мы ведь ленивые все-таки люди... иначе не выжили бы и померли, очевидно, все... И вот когда хочется полемизировать, появляется стереотип. Со стереотипами удобно, приятно... все друг друга понимают...

В.К. Это все так, Юрий Александрович. Но ведь в реальности не все становится стереотипом, а только какие-то определенные единицы.

Ю.С. А я далеко в этом не уверен. Я думаю, что мы на 95 % такие вот... шифрованные люди, между прочим.

В.К. Да но...

Ю.С. Вика, помните дзенских монахов?.. Они занимались...

¹ См. статью В. Н. Телия в настоящем сборнике.

Д.Г. (Дмитрий Гудков) Ну как не помнить... (*смех в аудитории*)

Ю.С. Ну Вы же должны... Вы всё читаете... так вот, как они там говорили?.. сейчас вспомню... А! Они занимались «истолкованием и укорачиванием жизни». Вот как раз когда мы начинаем уходить за стереотипизацию, то мы себе тоже укорачиваем жизнь, но все-таки на немножко. А вот когда начинаем разбираться, откуда, что и когда появилось... Нет, ну насколько мы оригинальны-то все?

В.К. Да нет, дело-то не в том, насколько мы все оригинальны. Я думаю, что в основе своей мы едва ли оригинальны. В основе своей. Потому что, если бы каждый был так уж оригинален, наверное, коммуникация бы не состоялась: не было бы общего языка. Не обязательно языка – как мы, лингвисты, его понимаем и привыкли о нем рассуждать, но языка... не было бы семиосистемы единой, да? Но вместе с тем... ведь эта семиосистема не может же быть бесконечной по количеству элементов, которые ее составляют, правда?

Ю.С. Не уверен...

В.К. Язык должен обладать ограниченным количеством знаков, правда?

Ю.С. А кто это сказал?

Д.Г. Вопрос, что мы понимаем под языковым знаком...

Ю.С. Или под семиосистемой... На вопрос о семиосистеме мог бы ответить Юрий Сергеевич Степанов, но я не буду этого делать... Но кто это сказал, что он должен быть ограничен? А почему?

В.К. Но если он будет бесконечен, коммуникация может быть?

Ю.С. А почему нет?

В.К. Если я использую знак, который...

Ю.С. Насколько я понимаю, одно существо... или как там... я не знаю, как его назвать... великий часовщик, великий мастер, кажется... он знает все языки, у него очень обширная семиосистема. Никак мы до нее не доберемся.

В.К. Все так, Юрий Александрович... Но если взять близкую Вам китайскую грамматику, там ведь есть определенные законы даже для создания новых иероглифов, правда?

Ю.С. Что-что-что?

В.К. Законы построения новых иероглифов... То есть они должны вписываться в определенную систему, использовать те элементы, которые есть... То есть да, я могу создавать новые иероглифы, но только в рамках данной системы. Разве не так?

Ю.С. Они новые иероглифы не изобретают почему-то... Они вообще очень хорошо живут в этом отношении... они тоже живут по принципу лени. Потому что они всё забыли тоже, как мы всё забываем. Вот и

они... из какого-нибудь периода Чжоу... или из ханьского периода они берут эти иероглифы, которые, казалось бы, забыты... Они их просто реанимируют... больше ничего...

Л.Ч. А можно возразить?

Ю.С. Ради Бога!

Л.Ч. Лень, конечно, дело хорошее... О ней писал Бодуэн де Куртене, о ней писал Поливанов... И как раз Поливанов объясняет многие фонетические изменения ленью... физиологической, психофизиологической особенностью речевого аппарата... и так дальше... Более того, и ассоциацию он объясняет тоже ленью. Ассоциативное мышление тоже объясняется ленью... Но мне вот кажется, что Бенвенист в одной из своих мыслей был очень прав... а эта мысль одновременно... вернее – разновременна... она принадлежит и Витгенштейну... Мысль простая: то, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. И вот я здесь не согласна совершенно с тем, что количество знаков может быть бесконечным... как сказал в своих маленьких тезисах Дмитрий Борисович... количество смыслов конечно. Я согласна с тем, что количество смыслов на определенном этапе развития культуры и у определенного социума все-таки конечно... Бесконечны комбинации. Комбинаторика смыслов бесконечна. И соответственно... А уж совсем бесконечна комбинаторика означающих.

И вот мне кажется, что эта проблема... асимметричных отношений между означающим и означаемым, она действительно создает... прецедентные феномены, стереотипы, все что угодно. С этой точки зрения мне кажется, что воспроизводимость связана именно с тем, что... Ну, во-первых, сама воспроизводимость как фактор, очень важный, культуры... Воспроизводимость, я бы сказала, даже не просто знаков, слов, к чему мы привыкли, и фразеологических единиц, а воспроизводимость каких-то определенных синтагм... Вообще от Соссюра идет... Соссюр ставит проблему ограничения свободы говорящего. Мы привыкли к тому, что индивидуальная речь абсолютно свободна. Язык-код есть нечто заданное, а вот речь свободна. И Соссюр написал, что одна из задач лингвистики – определить факторы, ограничивающие свободу индивидуума в речетворчестве. И вот мне кажется, что есть культурное принуждение. И вот стереотипы – одно из культурных принуждений... Далее, есть проблема очень важная – это клише, шаблон, стереотип: как их развести, как их размежевать?.. Но это уже проблема металингвистическая...

Ю.С. Ну да...

Л.Ч. Я просто думаю, что, говоря о каком-то объекте, если этот объект интересен не только нам, а он интересен и многим, мы волей-

неволей находимся... Говоря об объекте, как писал Бахтин, мы непременно говорим о нем и еще обращаемся к речам о нем, которые предшествовали нашим речам, потому что мы не одиноки... не Робинзоны мы в этом мире... И мне представляется, что этот диктат сказанного до нас об интенциональном объекте, он в культуре и вообще в нашей речевой деятельности основополагающий.

Ю.С. Я бы со всем с Вами согласился...

Д.Г. А можно я?

Ю.С. Дай я скажу, а то я забуду...

Д.Г. Да-да...

Ю.С. Сейчас скажу и уйду...

В.К. Юрий Александрович, куда это Вы?

Ю.С. Нет, в молчание...

Л.Ч. Уйду в себя...

Ю.С. Да. Я согласен со всем, вроде бы... все это очень красиво... но когда мы говорим о воспроизводимости культуры, вот здесь для меня возникает законный вопрос... Вот если мы говорим о воспроизводимости, то – не культуры... Вот ведь какой анекдот получается. И очевидно, когда говорят о воспроизводимости, то это не воспроизводимость знаков... чего угодно... всего остального... Это что-то другое...

Д.Г. Могу попробовать... На самом деле здесь специфика вот какая... и я с Людмилой Олеговной согласен, когда речь идет о культурном принуждении... но...

Л.Ч. Для этого мы и собрались, чтобы понять, насколько мы друг с другом согласны...

Д.Г. Проблема в том... Я Библера позволю себе процитировать, что культура выполняет двоякие функции: она, с одной стороны, формирует личность, формирует свободу... я не буду сейчас обсуждать, что такое культура, с вашего позволения, вы это себе более или менее представляете...

Л.Ч. Нет, не надо... Давайте аксиоматично...

Д.Г. ... значит, формирует свободу личности, это дает ей возможности для творчества. С другой стороны... Библер как-то очень красиво сказал по поводу «воспроизводимости»... ограничивает... нет, «лимитирует детерминацию личности... (кажется, так) в границах культуры»... но не важно. Понятно, что культура накладывает на свободу личности [ограничения]... это тоже вещь достаточно очевидная... Да! и языковая экономия – это в общем понятно, и фактор воспроизводимости с этой точки зрения – это тоже понятно. Можно выйти на радикальный вариант, как у Бориса Гаспарова, который вообще объясняет, что мы вообще творчески не создаем, мы просто выдаем то, что мы запомнили

в детстве... и никакой этой системы, которая нам в учебниках рисуется, никаких этих падежей у нас там нету... в этом компьютере [голове]...

В.К. Извини, я тебя на секундочку перебыю, на самом деле эта идея у Юрия Николаевича Караулова тоже проходит...

Д.Г. Нет, ну я просто говорю, что вот так достаточно радикально...

Ю.С. У Юрия Николаевича все проходит...

Д.Г. Но здесь для меня есть два вопроса, на которые я, честно говоря, не могу для себя найти ответ. Сначала, когда мы говорим, что количество знаков ограничено, здесь вот в чем вопрос. Здесь все-таки если понимать знак в сосюрловском смысле: как тело и содержание, – то о такой ограниченности можно говорить. Тела знаков, формы знаков, да, наверное, они ограничены. Ну, если о комбинаторике, мне понятно, что, в общем... Я не знаю, математики, может, и не считают, каким-то конечным число... и сознание человека в общем безгранично...

С.Р. Кстати, это давнее заблуждение насчет бесконечности комбинаций. Так сказать, элементарные человеческие знания, они конечны...

Д.Г. Нет, я имел в виду...

С.Р. Они бесконечны в смысле бытовом... они до конца нам не известны...

Д.Г. Нет, бесконечны в обыденном, так сказать, смысле этого слова... А вот в приложении к содержанию, вот в этом все и дело, вот это, по-моему, очень любопытно. Она [комбинаторика] достаточно ограничена: один и тот же знак начинает прикладываться к настолько разному содержанию... И если говорить о той же языковой экономии... Вот Виктория Владимировна упомянула яркий пример: те же культурные коды, прецедентные высказывания и прочее... С моей точки зрения, здесь не происходит экономии, в некоторых случаях абсолютно не происходит экономии мыслительных усилий. Наоборот, гораздо сложнее все с точки зрения интерпретации получается... Приведу один пример, который я очень люблю приводить на всяких-разных лекциях и так далее... Я думаю, многие слушатели его знают, но он просто, на мой взгляд, довольно милый. Во время работы моей переводчиком, мой начальник огромное количество текстов писал, и их нужно было письменно переводить... в общем, это было совершенно утомительно... и я вышел в коридор покурить, и другой переводчик, выражая мне сочувствие, подошел ко мне и сказал: «Ну что, твой Лев Толстой? Все пишет?» Вот высказывание. Прецедентное имя, это понятно... Хорошо, стереотип, употреблю это слово, стереотипное представление, стоящее за этим именем... это 110-томное собрание сочинений академическое и прочее... Но, понимаете, ведь для интерпретации этого высказывания требуется достаточно серьезное не мускульное, да? но интеллектуальное

усилие. Гораздо проще это выразить прямым текстом. Почему мы регулярно?..

Л.Ч. Но ведь человек же еще и играющий!

Д.Г. Правильно! Вот это просто интересно. И мы ведь получаем от этого удовольствие! И это я тоже должен сказать, что, вероятно, создавая какие-то новые коды, создавая метафоры, от каких-то высокохудожественных до самых простых, и воспроизводя... причем, понимаете, воспроизводство-то идет от стандартного какого-то до каких-то совершенно оригинальных, необычных вещей. Яркий пример – попытка игры с прецедентными высказываниями в молодежной, скажем, прессе или в той же бульварной прессе. Реклама от тараканов – «Тираны мира, трепещите!» Ну, например. Можно спорить о вкусе, удачности – неудачности и так далее...

Л.Ч. Это не вопрос...

Д.Г. Но! Здесь же идут действительно постоянные какие-то переходы, действительно какие-то неожиданные варианты... Я не знаю, наверное, это можно объяснить и сказать просто, что вот, да, эстетическое чувство мы свое удовлетворяем, вот поэтическая функция языка в широком смысле слова и вот все хорошо... Но я все-таки не могу однозначно для себя объяснить вот эти факторы постоянной вот этой воспроизводимости... Причем, с одной стороны, мы все время воспроизводим, а с другой – мы все время это делаем по-новому. Извините, я не знаю, достаточно ли я ясно выразил свою мысль...

Л.Ч. Достаточно ясно.

В.К. А в связи с этим у меня возникает вопрос: а что мы воспроизводим на самом деле? Что нас держит, да? Вот то, что сейчас Дмитрий Борисович сказал... Или... когда я пыталась искать примеры у той же Токаревой, на идиоматику, на все такое, я вдруг столкнулась вот с какой вещью: там в чистом виде фразеологических единиц нет!

Л.Ч. Зато там сравнительных оборотов полно!

В.К. Сравнительных оборотов полно. Но все дело в том, что она работает на тех образах, как мне кажется, которые могут иметь разные способы овнешнения. Ведь мы часто говорим «я буду плакаться тебе в жилетку», и другой человек, соответственно, – «ну, ладно, я буду твоей жилеткой». Вот «я буду твоей жилеткой» или «я была в тот момент жилеткой»... Вот экономия это или не экономия?

Л.Ч. Это экономия, экономия в чистом виде...

В.К. С одной стороны, экономия. А с другой стороны, с точки зрения воспринимающего? Мне же нужно это все восстановить. Здесь как раз то, о чем Дмитрий Борисович говорил. С одной стороны, со стороны автора идет экономия усилий, а с другой...

М.К. (Мария Ковшова) А с другой стороны, это создание нового сюжета про жилетку.

В.К. Совершенно верно.

М.К. Это новый рассказ про жилетку ...

Л.Ч. Человек – творец, он все время действительно творец, потому что игрок.

Д.Г. То есть с Гаспаровым не согласимся?

В.К. Не согласимся.

Ю.С. Да никакой он не творец! Умоляю...

Л.Ч. Не надо с Гаспаровым соглашаться? Не надо, да?

Ю.С. Да ради Бога, можно согласиться... *(общий смех)*

Л.Ч. Не-не... Мне просто интересно Ваше мнение...

Ю.С. Нет, ну... Конечно, я в МГУ, когда я сказал, что не творец... *(смех)* Мы все тут творцы...

В.К. Юрий Александрович, уж кто бы говорил насчет того, что не творец...

Ю.С. Не, не...

М.К. А почему не творец? Потому что воспроизводит тупо? По Лени...

Д.Г. Стереотипы...

Л.Ч. Конечно, тупо воспроизводит! А филологи в первых рядах! Просто составляют авангард тупости воспроизведения ошибок! Начнем с термина «дискурс». *(общий смех)* Начнем с потрясающего термина «дискурсивный».

Ю.С. Да-да...

Л.Ч. Вот очень хороший вопрос поставлен: почему ошибка, воспроизводимая лингвистами, филологами, становится нормой? Потому что они... Стереотип восприятия филологов, лингвистов... Это носители высокой культуры. Берем книгу, открываем: «кристал». Ну, конечно, теперь у нас компьютер во всем виноват, раньше была машинистка.

Ю.С. Это что за книга?

Л.Ч. «Кристал». С одним «Л!» Дальше.

М.К. Правильно, экономия! *(смех)*

Л.Ч. Я не говорю об орфографических ошибках! Это ладно, вопрос... Но ведь человек, употребивший прилагательное «дискурсивный» в первый раз, он ни разу не дал себе труда обратиться к этимологии. Дальше, обратиться к русской философии. Термин – «дискурсивное мышление». Давнишний термин русской философии, которая вообще о дискурсе и понятия не имела.

Ю.С. Не имела...

Л.Ч. И лингвистическое значение термина весьма далеко, то есть его еще не было. Термина не было. Так давайте мы... я не знаю, стереотип пошатнем... или как сказать?

М.К. А может, это выработка нового междисциплинарного термина? Конечно, идет расшатывание терминологического значения.

Л.Ч. Нет-нет! Я... знаете, как... с упорством, достойным... сейчас шаблон скажу, да?... с упорством, достойным лучшего применения, идет воспроизведение вот того, в чем человек... Ой нет!.. Жанр – первое принуждение, да? Первый диктат. Я бы сказала: во что человек тупо уперся, но не скажу... Вот... Значит... техники и практики, по-моему, только «дискурсные»! Ударение [в слове «дискурс»], по-моему, только на последнем слоге! Меня спросили на одном из выступлений: «Почему, так?.. пафос, мол, Ваш не ясен. Ведь есть же “ракурс”?» Пафос не ясен. Но ведь «ракурс» – старое слово... и что-то победило. А здесь – становящаяся норма. Я спросила одного журналиста: «Почему Вы делаете ударение на первом слоге? Дискурс?» Журналист, не сомневаясь ни на минуту, ответил: «Потому что в английском ударение на первом слоге». Я ему говорю: «Кто Вам это сказал?»

М.К. Кто-то сказал...

Л.Ч. «Вам кто-то это сказал?»

Ю.С. Ну, это мне напоминает «Клинику молодости»... Рекламу помните? (*смех*) «Приглашаем в Клинику молодости»...

М.К. Это вообще проблема нормы, потому что норма уже расшатана.

Л.Ч. Да?..

М.К. Да! Ведь, собственно, что может быть образцом нормы? Вот предположим, даже те самые учебники по практической грамотности несчастные, которые изучают наши поступающие в вузы. Они ориентируются на тексты XIX века...

С.Р. ... которых нет...

М.К. Мало того, эти тексты уже в какой-то степени препарированы были Розенталем, потому что они не совпадают по пунктуации с авторской пунктуацией... Они уже были когда-то, да? подведены под норму, удаленную от времени написания этих текстов. Сейчас – проблема поиска образца. Но они, тем не менее, остаются для нас образцом. Образцом изложения мысли, оформления мысли, построения текста, ну, каким он должен быть. Все равно это образец. И авторитет автора, создателя этих текстов, важен для того, чтобы убедиться, что вот этот знак препинания, предположим... извините, это все из другой области, но пришло в голову... вот этот знак, например, надо поставить. На кого сейчас ориентироваться? На текст?..

Ю.С. На Гудкова.

М.К. Да, на Гудкова, который не Гудков, а Раевский на самом деле (*смех*), когда он пишет художественный текст, а значит, это уже какая-то стилизация, да? автора... Да! Вот на какой текст? Образца-то нет! Нормы, значит, нет, раз нет образца. Потому что норма вырабатывается в соответствии с каким-то образцом. Вот проблема...

Ю.С. Маш, есть еще один нюанс...

М.К. Ой сейчас, извините... Стилистическая дифференциация текстов ничего не даст... публицистический текст тоже строит свою норму...

Л.Ч. Авторитеты расшатаны.

М.К. Да! Вот проблема нормы, проблема образца. И отсюда вот это вот качание... из термина в термин, вот все грани термина можно... вот ходить туда-сюда... это колебание. И колебания эти сейчас в семантике или в употреблении слов, они именно поэтому...

Л.Ч. Ну, да.

М.К. То, что мы говорим «конечно-наверно»... как сказал только что Дмитрий Борисович, я его цитирую...

Л.Ч. Ну, да. Как сказал замечательно Ломоносов, «разномысленною вольностью Россия едва не довела себя до крайности».

М.К. Это наше. И мы продолжаем жить в этом состоянии.

Л.Ч. Мы это воспроизводим.

Д.Г. Нет, здесь... Я с вашего позволения предлагаю вернуться немножко к старому... Но здесь в Ваше подтверждение позволю себе все-таки два совершенно прелестных примера.

Л.Ч. Да.

Д.Г. Я по телевизору смотрю только спортивные передачи...

М.К. Гх-м...

Д.Г. ... я объясняю просто... Две недели назад я услышал, что «команду на поле выводит харизматичный вратарь»... (*смех*) А месяц назад в спортивной газете я прочитал – в газете (!) прочитал: «Исход матча решил...» (это про баскетбол) «Исход матча решил своей гениальной левой десницей...» (*общий смех*) и фамилия шла игрока...

С.Р. А если бы они и шую упомянули...

Д.Г. Я уже не говорю, как в другой газете, относительно политики... кстати, про воспроизводимость... я уже коллегам этот пример приводил... Там очень язвительный журналист такой, в памфлетном стиле пишет, заканчивает свою статью таким образом: «И как говаривал один персонаж, отличавшийся острым умом и сильно пострадавший из-за этого: «В Москву я больше не езду! В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!»». (*общий смех*) Здесь с точки зрения воспроизводимости это

совершенно прелестно... Но речь идет... Это я как раз могу объяснить. Есть некие модные слова, да? Вот я сказал слово «харизматический» – и всё! Я же [ого-го]!.. А если я еще добавлю «изоморфный»... понимаете? И я вам скажу про «эзотерику»... то...

Л.Ч. Дмитрий Борисович, а ведь знаете что? Здесь очень важно... Мы ведь все время говорим о портрете адресата. Конечно, портрет слушающего определяет многие стратегии дискурса говорящего... А портрет... автопортрет? Вот он-то, мне кажется, очень важен.

Д.Г. Сознательный и бессознательный, что...

Л.Ч. Бессознательный! Ну, где Вы видели рефлектирующую личность, у которой высокий автопортрет?.. такой, да?... в большой раме Эрмитажа...

Д.Г. Лермонтов...

Ю.С. Беда в том, наверное, все-таки... Вот то, что говорили... Авторитет... Дело не в авторитете... А может, и в авторитете, я не знаю... Короче... в связи с проблемой культуры, если выразиться осторожненько... у нас нет мастеров... Но не в том смысле, что... которые гоняют там шайбу или мяч... Мастера нет. Вот проблема мастера – она сейчас из основных.

Л.Ч. Харизматического... (*смех*)

Ю.С. Не обязательно, не обязательно... Ну, они все были харизматики в какой-то мере, потому что иначе бы они не умели ладить с людьми. И вот они-то... они делали простую вещь, они не задумывались, прошу прощения, о воспроизводимости и всех прочих вещах... Они не желали нравиться, но они пытались сделать с человеком одну простую вещь, что мы, наверно, потеряли... и надолго, наверно... Они пытались расширить... ну, как бы сказать... ментальный горизонт воспринимающего, или ученика. Вот так они рассматривали культуру. А культура была богатой... Все-таки Индия, Китай, Япония... и так далее, и так далее, и так далее... Там все работы сильные такие... сильные когорты мастеров... Я уже упоминал, могу сказать, что в дзен-буддистком направлении это, например, точно совершенно: они работали на этих основаниях. Не даром они же... вот, Господи... простые приводим примеры, но... они пользовались достаточно сложной системой выбивания шаблонов из головы. Используя и парадоксальные, и непарадоксальные высказывания... Проблема коанов и так далее... Видите, это техника вот этого расширения была... И она давала прекрасные результаты. Как мы видим, они неплохо учили... Сейчас учат хуже... Правда, я не говорю обо всех. Учтите, что... эти религии – это не демократические религии, пусть вас никто в этом не убеждает. Это аристократические религии. Это для немногих аристократов. Но мы

обсуждали эту проблему... Ну а что? Действительно, так и получается, что понимают некоторые тексты, художественные и нехудожественные, от 3 до 6 процентов населения.

М.К. Это уже отдельная тема.

Ю.С. Отдельная тема, но она идет к проблеме понимания и того, что с этим делать. Ну, не населения – испытуемых... там, может быть, 150... 300...

Т.В. (Гатьяна Венедиктова) Можно в связи с этим поинтересоваться, вернувшись к вопросу о дискурсивных, так сказать, практиках? Вот какое все-таки здесь возможно решение? Потому что речь идет о проблеме достаточно локальной и в то время нас всех касающейся, да? Я не думаю, что для нас на сегодня проблема разрешима за счет упования на гениальных мастеров, потому что все равно мы имеем дело с каким-то обозримым научным сообществом. В частности, внутри этого сообщества есть лингвисты... К кому обращаться за авторитетным решением по части вот такого мелкого, ошибочного или не-ошибочного решения? По всей видимости, речь идет о том, что сообщество внутри себя, профессиональное, даже узкопрофессиональное сообщество, оно может себе положить норму? *Что́* надо говорить?... Например, «дискурсивные практики» – это неправильно?

М.К. Должно.

Л.Ч. Может. Должно.

Т.В. Потому что более широкое сообщество: нас, литературоведов, историков – оно, естественно, на вас в этом ориентируется. Мы все понимаем, что «дискурсивное» – это дико по-русски, но вот как решить этот очень простой вопрос воспроизводимости? И очень практический...

Ю.С. По-моему, просто-напросто нужно объясниться. Раз и навсегда. Написать, сказать, выступить...

Т.В. Где?

Л.Ч. ... объяснить... в «Вопросах языкознания»...

Ю.С. ... что это такое. Прошу прощения: *дискурс* или *диску́рс* – что это такое?

Л.Ч. Да. Да. Да.

Ю.С. И пока мы не договоримся...

Л.Ч. ... не будет ничего...

Ю.С. Так и будет... конца этому не будет...

Д.Г. Но мы не договоримся...

В.К. Мы не договоримся...

Ю.С. Договоримся! Все зависит от того, как это понимать. Но мы можем это сделать...

Л.Ч. Понимаете, какая вещь? Когда сдающий вступительный экзамен абитуриент когда-то сказал... принимал Будагов... я сдавала на ромгерм, принимал Будагов... и когда абитуриент сказал Будагову «Бальзака́», я не знаю, что с ним было... Это было что-то... Но почему же «Бальзака́» сказать нельзя, а «дискурс» сказать можно?! Вот у меня большой вопрос... И мне бы пускай кто объяснил... Французское – понятно: «пенснэ́», «кашнэ́» и так дальше... ударение на последнем слоге... Но и в английском в этом слове ударение на последнем слоге!.. Послушайте, вот ученый совет идет наш, по русскому языкознанию, все говорят «дискурс». Пришла я на ученый совет по общему языкознанию, где Кибрик, – все говорят «диску́рс» как один.

Т.В. Это говорит о раздробленности вот этого самого ученого сообщества, потому что в некотором смысле спорить о том, что есть дискурс, и о сущности вещей можно и нужно бесконечно...

Ю.С. Вот это как раз наоборот...

Т.В. Да!

Ю.С. ... в том смысле, что они по-разному это понимают.

Т.В. Очень хорошо... Но о формальном моменте: как произносить...

Л.Ч. Договориться можно...

Т.В. Желательно договориться. Да!

Л.Ч. Конечно!

Т.В. Чтобы не тратить на это лишнее время...

Д.Г. Диску́рс – это одно, а дискурс – это другое... (смех)

Ю.С. Это хорошо!..

Л.Ч. Это хорошо...

С.Р. Эта так же, как «портфэ́ль» и «пóртфель».

В.Б. (Владимир Борботько) Это совершенно разные вещи...

Л.Ч. Только «пóртфель» мы понимаем, к кому мы относим, потому что за ним стоит...

С.Р. А здесь еще не выработалось.

Л.Ч. ... как бы социальный статус. «Пóртфель». Понятно. А тут...

В.Б. А здесь тоже социальный статус.

Л.Ч. Какой?

В.Б. Некоторая невежественность... в части терминов...

Л.Ч. Да, но упорствуют люди в этом невежестве!

Ю.С. Да, ведь это запомнить надо...

Л.Ч. Да. А тут – лень. Правильно, лень... я согласна.

В.Б. То же самое, когда говорят «языковой», в лингвистической среде, научной, так?

Л.Ч. Да.

В.Б. А за пределами ее продолжают говорить «языко́вый».

М.К. Не, не говорят...

С.Р. Говорят-говорят!

Л.Ч. Говорят-говорят...

С.Р. Говорят! Без вопросов!

М.К. Не может быть!

Ю.С. Говорят!

М.К. «Языко́вый факультет» – это что такое?

С.Р. «Мышление» еще есть...

Л.Ч. А вы знаете, какая вещь? Я вот себя поймала на чем... на такой рефлексии, да? метаязыковой. Я произношу...

В.Б. «Рефлѐксия» или «рефлексія»? (*смех*)

М.К. В научном [стиле] ударение на «и»...

Л.Ч. «Рефлексія». Но я всегда сверяюсь с источником, когда я сомневаюсь... Я поймала себя: зачем я упорно повторяю «диску́рс», когда аудитория упорно говорит «ди́скурс»?

М.К. И зачем?

Л.Ч. И я поняла. Затем, что я хочу отделить себя от аудитории.

М.К. А-а, «свой – чужой».

Л.Ч. Конечно. Это очень все просто. А это тоже воспроизводимо, «свой – чужой»... И я хочу языком пользоваться как «социальным паспортом»...

Е.Ч. (Елена Черникова) У нас в прошлом году студентка на «пять с плюсом» заканчивала факультет журналистики, и в названии ее дипломной работы был как раз «дискурс» или «диску́рс». И она на предзащите произносит «ди́скурс». Я говорю: «Маша...» ... с шикарным дипломом, все на пять с плюсом... Я говорю: «Маша, а может быть, все-таки диску́рс?» На всякий случай уточняю... И Маша делает дополнительное ударение именно на первый слог – «ди́скурс», потому что «многие уважаемые мною люди так говорят».

М.К. Ссылка на авторитеты, воспроизводимость...

Е.Ч. «А что, если мы обратимся к источнику? Допустим, из какого языка...» Но она мне говорит: «Но так *уже́* говорят уважаемые мною люди» (*смех*). На этом наша дискуссия закончилась на предзащите в ее пользу.

Ю.С. Да, ладно... Но мы куда-то уехали в сторону... Что такое этот спор для культуры, кстати?

Л.Ч. Но давайте все-таки... Первое: «ди́скурс» или «диску́рс»?

С.Р. Ну, «диску́рс», конечно...

В.К. «Мы говорим не ди́скурс, а диску́рс...»

С.Р. Здесь все понятно, потому что так говорили древние римляне.

Ю.С. Вика, мы уехали куда-то

В.К. Мы уехали, и надо возвращаться.

Ю.С. Что такое, хотелось бы мне знать, «коды культуры»? Кто мне объяснит, что такое «коды культуры»?

М.К. Жалко, что нет Вероники Николаевны...

Л.Ч. Коды культуры?

Д.Г. Я могу...

Л.Ч. Ну, вот кирпич... Кирпич – один из кодов культуры.

Д.Г. Нет, ну кирпич – это единица кода...

М.К. Одного из...

Л.Ч. А, единица... А коды культуры какие? Музыка... У чего есть свой язык... Живопись – код культуры...

Д.Г. Мы говорим немножко о другом...

Л.Ч. О другом?

С.Р. Можно я с более фундаментальных вещей начну? Мы начали с менее... в каком-то смысле, с менее [фундаментальных]... во всех отношениях... В том числе с ближайших к нам вещей. Понятно, что нам про знак и прочее легче рассуждать. Это мы можем. Я бы все-таки развернул, поскольку речь идет о культурных факторах, да? и попробовал посмотреть на это со стороны вне... находящейся вне собственно знака... и напомнить о том, что в немецкой гуманитарной традиции есть такой не очень, правда, чистый, но тем не менее неплохой термин «жизненный мир» – *Lebenswelt*, который, конечно, в значительной степени... вот этот жизненный мир определяет и в том числе воспроизводимость в дискурсе... и во многих других вещах. Вопрос, однако, заключается в том, что структура этого жизненного мира может быть очень разной. Очень хорошо его изучать на так называемых примитивных примерах. Взять архаичную культуру, у которой нет по-своему ни прошлого, ничего... Люди живут вот в том мире, в котором они живут... да... Какой-нибудь папуас там...

Ю.С. Ой, как хорошо я его понимаю... (*общий смех*)

С.Р. ... он живет вот миром своей деревни, ближайшей горы, леса, ручья, побережья...

Л.Ч. Детский мир у него...

С.Р. Ну, мы говорим – детский, да. Ну, нормальные...

Л.Ч. ... детский мир.

С.Р. ... нормальные люди... Вот там мы можем сказать, что примерно вот это окружение и будет подсказывать ему, что надо брать за основу в качестве каких-то элементов действительности... Когда мы двигаемся немножко дальше, у нас сразу начинают возникать интересные вещи... Вот возьмем, скажем, такую, надеюсь, известную книгу, как *Ветхий завет*... Это уже ступенечка дальше, да? Это уже люди вышли

из родной деревни... Я так напомним, что люди, которые создавали Ветхий завет, они по происхождению кочевые пастухи... Ну, в общем, бедуины такие... Но, видимо, плохо стало с пастбищами, и они двинулись на запад...

Д.Г. Разбойничали там, помимо... пастбищ...

С.Р. Ну да...

В.К. Ну, это уж как получалось...

Ю.С. Пограбить хотелось, Господи...

М.К. Не отвлекайтесь...

Д.Г. Нет-нет...

С.Р. Ну, для кочевого пастуха это нормальная часть его жизни... Ну, вот они двинулись на запад, пришли к морскому побережью... Хороший климат средиземноморский, культура уже есть там... оседлая, земледельческая... И собственно говоря, Ветхий завет создавался уже вот в этих новых условиях. Но! Если мы посмотрим на то, какие опорные моменты в их представлении о жизни существуют, то мы обнаружим, что они еще из старой жизни, из кочевой. То есть *что* такое «дом родной» для ветхозаветного человека? Это шатер. Не тот дом, в котором он живет уже реально, который уже из прочных материалов, а еще дом... который еще два, три, четыре века назад был. Он его еще не забыл вот в этом... наборе воспроизводимых элементов. Что такое для него родной очаг? Это шест, на котором вот... шатер держится... Вот это самое, так сказать, в его жизни главное...

Д.Г. Arbor mundi.

С.Р. ... вот этот шест поставить, так сказать, а на него дальше... уже все накручивать...

Ю.С. А «дом, который построил Джек»?

В.К. Это уже гораздо позже...

С.Р. Это уже дальше... Скажем, какая самая страшная стихия для него? Море, конечно. Вода. Там всякие чудовища водятся, жуткие... Левиафаны там, всякая пакость, так сказать... В степи ничего плохого нет. Если вы посмотрите Ветхий завет, там хотя и бывают бури песчаные, вообще-то это так, мелочи, все нормально... А вода – это кошмар. Самая страшная смерть в Ветхом завете – это, конечно, в пучине водной. Хуже ничего быть не может. Сгореть – это гораздо лучше... Значит, вот... уже появляется такая память... И кстати, то, что Вероника Николаевна, написала... там как раз у нее вот по этой части уже и есть... И когда мы начинаем двигаться... это только первая ступенечка, то есть уже вот появляется вот такая глубина определенная. Чем дальше мы движемся по цивилизационной... так скажем... условно... лестнице... или как... не знаю... тем больше вот таких вот... сдвигов и, соот-

ветственно, страниц памяти у нас образуется. Больше того, чем дальше мы движемся, тем больше мы открываемся каким-то чужим пространствам... И если мы посмотрим, скажем (в этом смысле русский язык достаточно характерен)... если мы посмотрим, что у нас водится в жизненном мире, отраженном в воспроизводимых элементах речевых... то мы там найдем массу интересных вещей. Ну, во-первых, Россия – родина слонов... естественно... Потому что дедушка Крылов нам слона подарил, проказницу-мартышку и целый ряд, так сказать... Попугаи у нас, естественно, летают, сами представляете, кругом окружают нас попугаи... Вообще говоря, я должен заметить, что такое симпатичное животное... осел, для нас совершенно родное... не водится в среднерусских лесах... Это южное животное, и в сердцевиной России его, вообще говоря, нет. Это чужое животное.

М.К. Но ругают ослом легко...

С.Р. А?

М.К. Называют ослом легко при этом.

С.Р. Да! Совершенно родное...

Д.Г. И черепахой называют...

С.Р. Но если спросить людей, кто видел осла когда-нибудь... и уж тем более в реальной жизни, так сказать, не в зоопарке, не в цирке...

М.К. Он покажет на соседа...

Л.Ч. И баобаб никто не видел...

С.Р. И баобаб!

Л.Ч. А живем мы баобабом...

С.Р. Нет, но осел-то ведь совсем родной!..

Л.Ч. Текстовые знания...

С.Р. Если слово «попугай»... мы осознаем, что это экзотические животные... то осла мы уже экзотическим не считаем, тем не менее это не наше животное... чужое... Вот... То же самое с историей... Где тот самый «гордиев узел»? И когда, да? «Варфоломеевская ночь»? Откуда к нам прибрела? То есть вот образуется такая огромная масса вещей, которые в значительной степени и составляют наш жизненный мир... Там, я не знаю... что-то происходящее где-то на другом конце планеты может составить для нас чрезвычайно важную вещь... Иногда до анекдотических доходя... когда все следят за происшествием в какой-либо стране, к которой мы вообще, строго говоря, отношения и не имеем. Бывает... Таким образом, возникает очень сложная структура, которая, конечно, диктуется каким-то способом жизни, но... конечно, не ближайшим окружением... не простейшими отношениями... Но при этом какая-то часть старых сохраняется как базовая, архаичная... Она иногда в каких-то элементах оказывается очень устойчивой. Иногда даже мы,

специалисты, не можем до конца уже ответить на простой вопрос, а что́ это, собственно говоря, значило для... Люблю приводить пример «сгореть дотла»... Кто мне скажет, что такое «тло»?

Л.Ч. Земля.

С.Р. Вы знаете.

Ю.С. Что?

С.Р. Тло.

Л.Ч. Земля, почва.

С.Р. А-а... Не пугай меня. А что такое апостиль?

С.Р. А-а-а, вот... (*смех*) Это уже немножко из другого... А вот на вопрос «не видно ни зги» до сих пор никто сегодня ответить не может, что это за «зга» такая.

Л.Ч. Это что-то у... лошади...

Ю.С. Не-не...

М.К. Версий много!

С.Р. Вариантов много... вариантов 15 уже, но вот... С «тлом» понятно, потому что по-сербски «тло» – так оно и есть «тло», да?

Л.Ч. А вот «зги» нет...

С.Р. А вот «згу» потеряли. Но она у нас есть, понимаете? Откуда она пришла?... Из какого?..

Л.Ч. «Сгинуть» поможет?

Д.Г. Здесь вопрос как раз... проблема синхронии нормального сознания, этимология здесь не работает... Я, кстати, замечу...

С.Р. Нет, понятно, нет... Я просто говорю о том, насколько вещи иногда оказываются цепкими. Уже давно потеряно вообще все!..

Д.Г. Нет, но здесь, понимаете, здесь...

С.Р. Но эта «зга» – она у нас есть.

В.К. Да нет у нас «зги»! Нет у нас ни «тла», ни «зги»!

Д.Г. Я прошу прощения, но взять «всю подноготную»... Знаете, в школах любят рассказывать, откуда это... и «доподлинная правда», да?

С.Р. Да!..

Д.Г. И прошу прощения, то, что, кстати, многие не знают, – «закручивать гайки». Современное сознание однозначно переводит как механистичную метафору, да?

В.К. Конечно!

Д.Г. Да, общество – механизм. Да. Социальный механизм. Соответственно, «начальник закрутил гайки – ослабил гайки». Что это связано с «испанским сапожком», да? это... уф-ф...

Л.Ч. ... не соотносят...

Д.Г. ... этимологически... у нас это совершенно не работает. Я не знаю... понятно, это калька...

М.К. Но это знание может быть потеряно. Главное – что остается.

Д.Г. Да!

С.Р. Нет, я говорю о том, что остается...

М.К. А остаются какие-то оппозиции...

Д.Г. Можно я...

М.К. ... какие-то смыслы...

Д.Г. Можно я закончу по поводу осла?

М.К. ... которые держат это.

Д.Г. ... по поводу осла. Просто это очень интересно, что... осел-то – это одно, правда? А ишак – это совсем другое.

Л.Ч. Да, совсем другое.

Д.Г. Да. Но вообще это одно и то же животное, хочу обратить внимание... «Ослить» – это одно, а «ишачить» – это другое. Вот что тоже любопытно.

Л.Ч. Потому что они... концепты разные.

Д.Г. Да!

Ю.С. Ой! Я всё!

В.К. Давайте не будем использовать слово «концепт»...

Ю.С. Теперь слово «концепт»!

М.К. А мне кажется...

Л.Ч. Нет, «концепт» не будем...

С.Р. Кто сказал слово «концепт»? (*общий смех*)

М.К. Нет, я про концепт не буду. Я просто зацепилась за то, что сказал Сергей Александрович Ромашко... Я вот думаю тоже... на своем материале, фразеологии, да? И вот близко к тому, о чем Вы говорили. Спорить о том, что фразеологизм воспроизводим, нечего... Он воспроизводим, это воспроизводимая единица. Почему?

Д.Г. Почему? Вот! Почему?

М.К. Можно, конечно, было бы сослаться на то, что... Я думаю, действительно: почему? Отвлечись от всего того, что было сделано до меня, но не без того, чтобы обратиться к нашим общим разработкам, вот то, что мы делаем... Телия, Красных, Гудков... Вот я думала: почему? Ну, можно было бы сослаться на то, что это сложная свернутая семантическая структура. Он маленький текст, но в нем много типов информации. Он экономит наши средства, силы, мы в одном фразеологизме передали массу типов информации: указали, что происходит, оценили, изобразили, передали впечатление, эмоцию... Там есть все. Он маленький, но емкий. Аккумулировали, передали. Да, наверное, просто семантическая структура такова, что она удобна для того, чтобы быстро ею... фразеологизмы быстро передают много всего. Одним – много. В одном... два в одном, три в одном, там десять может быть в одном. Ну, не

десять – пять мы исчислили макрокомпонентов. Да, пожалуй, вот это... Потом я подумала: может быть, это метафора... или любое тропеическое основание, не только метафора... просто потому, что он построен на тропе. Тропеическое основание создает вот такое... неточное, игровое описание жизни. В таких вот двух планах, когда идет смещение, когда интересно посмотреть «как если бы», когда интересно поиграть... и вообще все, что связано здесь с игрой, с метафорой... Тут можно много говорить о том, что культура построена на двуплановости. На реальности – нереальности. На неопределенности передачи описания. И поэтому фразеологизм как такой игровой, или построенный на таком тропеическом механизме, знак... он поэтому и воспроизводим. Он хорош потому, что хороша игра. Мы любим играть, мы любим все видеть в такой... в картинке «как бы» – вот через «как бы», «как если бы». Вот... А потом мне захотелось переступить ногой в другую семантическую область – культуру, и вот здесь я... Значит, можно было бы говорить метафорами, что фразеологизм аккумулирует в себе культурные знания, различные пласты, которые мы получаем (вот то, что Вы сказали) страшно схематично, очень неточно, но самое главное, вот, обобщено до предела, да? Отвлечено от чего-то, может быть, исконного, что лежит в основе этого понятия, но мы от этого отказались. Мы взяли то, что соответствует нашему «представлению о», нашему, может быть, стереотипному «взгляду на». И мы этим оперируем, потому что мы условились: это наши слова, за которыми стоят культурные представления, да? Какая-нибудь картинка, общая для всех. Мы ею переключаемся. Вот... Но тут вот в чем, мне показалось, такая хитрость, а может быть, и объяснение того, что производимое воспроизводится часто. Мне кажется, что вот в них имена... все имена, все слова... вот о чем Вы говорили... «осел» ли, там «крыша», которая «поехала»... И «крыша», и «поехала», и «осел», и вот «как в воду глядел», и вот «вода»... я взяла все фразеологизмы с водой: «водой не разольешь», «воды не замути», «как в воду глядел», «в огонь и в воду» и посмотрела, что оказывается... Но я не знаю, может, я кого-то воспроизвожу сейчас?..

Л.Ч. Сама себя, наверно.

М.К. Нет, наверняка, и до меня это было кем-то сказано. Скорее всего, Вероникой Николаевной. А я запомнила и не помню источник... Так вот. Мне кажется вот что: в чем суть воспроизводимости таких знаков? А может, и не только фразеологизмов. В том, что там имена – это не имена языковые. Это слова... как сказал Юрий Александрович, культуры. Это культурные слова, которые...

Д.Г. ... единицы кодов культуры...

М.К. ... абсолютно все... Да, вот я возвращаюсь к тому, что говорил Дмитрий Борисович. Вот я как раз и хотела сказать, что и «вода» – это не вода с природными ее свойствами. «Пройти огонь и воду». Уберем «огонь»... огонь все-таки вызывает какую-то активную память тела: нам страшно. «Пройти огонь» – уже плохо, субъективно, эмпирически и так далее... «Пройти», значит, «огонь и воду»... «воду пройти за кого-то» – это ведь не вода с ее природными свойствами. Это уже не вода. Не имя природной сущности, не имя того, что нас окружает... как и «огонь», как и «крыша», как и «съехала», как и «глядеть», как и «водой не разольешь», там не «водой» не разольешь... Это все не знаки языковые...

Л.Ч. Да.

М.К. Это все культурные знаки, за которыми стоят уже целые имена: либо ситуации, либо это символ, либо эталон...

Л.Ч. Это уже символика...

М.К. А самое главное...

Л.Ч. ... символика...

М.К. Я думала про воду, я взяла одну воду... Оказалось, что вот «как в воду глядел» – это эталон. Мы меряем вот этим действием, где вода включена как эталон... не знаю, надо думать об этом... эталон, мифологема... мы об этом много думаем и говорим... но это эталон, мы меряем... «Он знает так, как в воду глядел»... И у нас вот концепт... Ой! Нельзя? (*общий смех*)

С.Р. Попрошу не выражаться!

М.К. Мы хотим здесь... занимаемся здесь описанием концепта... ну, что ли, «будущего»... можно так сказать? Хотя грубо, приблизительно?

Ю.С. У-хм!

М.К. Мы хотим знать... концепт «знание», пускай «знание» – шире...

В.К. Ну давай обойдемся без концепта.

М.К. Не-не, там внутри знание будет, там будет расширение... Вот концепт «знание». И мы для этого концепта «знание» берем «воду»...

Л.Ч. Жанровую...

М.К. ... в одном виде – это «как в воду глядел», через ритуал. Вот Татьяна Борисовна, которая знает, что это такое...

Л.Ч. А жанр не значит?..

М.К. ... он смотрит, вода как гадание...

Л.Ч. Все понятно...

М.К. ... зеркальная поверхность, тэ-тэ-тэ-тэ... Вот это – эта вода. Она понадобилась для того... вот именно своей вот этой стороной... а она такая сложная, в ней столько культурных напластований... мы ее взяли для того, чтобы вот этот концепт осветить. Если нам нужна будет

вода «сквозь огонь и воду», это будет совершенно другая вода. За ней будет другая культура, другой пласт...

В.К. Нет, культура будет та же, там просто...

М.К. Нет-нет-нет...

Д.Г. Можно я вмешаюсь?

М.К. Да, я просто про то, что, наверно, поэтому, собственно говоря, фразеологизм уже из своих компонентов, из того, что он строится, он уже не собственно языковой знак.

В.К. Я согласна...

Д.Г. Вот можно я?

Л.Ч. А потом я.

Ю.С. Можно я пойду покурю, а?

В.К. Давайте...

Д.Г. Я не хочу сейчас вдаваться в глубины семантики. Здесь можно много что говорить... все-таки я высказываю свою точку зрения... Дело в том, что да, все-таки это некоторая редукция. Можно говорить о двух системах и о том, что единица принадлежит двум системам: вода ли... ну, я больше телом занимался: нос, рот там и так далее... Конечно, это все-таки знак и естественного языка, и знак вторичной, выражаясь словами Барта, семиотической системы, да? Другой вопрос, что они находятся все-таки во взаимодействии. И когда... Да, и с чем я все-таки не очень соглашусь, что это другая вода. Это... На самом деле, вот если говорить о вторичной семиотической системе... вот скажем, условно говоря, природного кода, да? Вот скажем, вода, огонь там и так далее... вот... она будет изоморфна, вероятно... системе естественного языка, и здесь надо говорить просто о полисемичности.

М.К. Я думаю, нет.

Д.Г. Я считаю, что это полисемия.

В.К. Я не думаю. Во-первых, она не будет изоморфна.

М.К. Вот! Я думаю, нет.

В.К. Она не будет изоморфна. И там нет полисемии!

Ю.С. Все проще! (смех) Фразеологизм – простая вещь на самом деле. Вы знаете, что?

В.К. Ну?

Ю.С. То, что мы говорили. Это умерший или умирающий дискурс.

М.К. Не согласна!

Ю.С. Больше ничего там нет!

М.К. Не согласна!

Ю.С. И вся вода Вам будет переливаться там!

М.К. Не уходите, я Вам скажу! (смех)

Ю.С. Ну, дайте покурить! (смех)

М.К. Нет! (смех) Смотрите: с помощью воды... «как в воду глядел»... с помощью этого зеркала, которым... никто уже этим не занимается... Не знаю, Татьяна Борисовна, может, меня поправит, может, занимаются... смотрят в воду, гадают на воде... может быть... Это карета прошлого, в которой, как известно... кто сказал? Никто не знает... «На дне»...

Л.Ч. Горький сказал.

М.К. Да. Конечно.

Ю.С. Ну так это...

М.К. ... на ней далеко не уедешь, но другого, Юрий Александрович, лучше кареты прошлого, чтобы проникнуть в будущее, чем фразеологизм, пока никто не придумал. Мы на этой карете едем из прошлого в будущее и назад...

Д.Г. Здесь еще есть одна проблема...

М.К. Это не умерло! Это не умерший текст!

Д.Г. И проблема в том...

М.К. Редуцированный? Конечно!

Д.Г. ... я просто скажу, что переосмысление фразеологизма, оно может происходить. Естественно, оно происходит, то, о чем мы говорили...

Ю.С. Хрен редьки не слаще... экстериоризированный или какой?

Д.Г. ... но...

М.К. Нет, Юрий Александрович, тут культурная память осуществляется.

Д.Г. Вот! Переосмысление фразеологизма...

Ю.С. Приду, вот покурю, приду, и если... (смех)

М.К. Э-э-э-э-э?! Свои – чужие, называется...

Д.Г. Ну, хорошо...

В.К. Но на самом деле то, что касается...

Д.Г. Минутку, я очень коротко изложу... и всё...

В.К. Верю-верю...

Д.Г. Переосмысление фразеологизма, которое, конечно, происходит... он просто меняет свое значение и так далее... все равно происходит в каких-то рамках, и все равно основывается на... я просто не хочу...

М.К. И остается значение, и всё!

Д.Г. ... я не хочу употреблять сейчас слово «архетип», я не хочу употреблять сейчас слово... еще что-то... но! Давайте скажем так... вот очень яркий пример... я его тоже все время привожу... «голубая кровь», да?

М.К. Да.

Д.Г. Ну, господа... ясно, что да, там калька с испанского, кастильцы гордились, что не смешивались с маврами... Никто этого не знает, кроме Мелеровича, Мокиенко... больше никто этого не знает, вот... и прочее... Не в этом же дело совершенно. Для современного русского есть фразеологизм, и мы его употребляем. Почему? Потому что у аристократов кровь особого цвета, да? Почему кровь особого цвета? Потому что кровь является носителем неких генетических качеств. Вот это базовое представление. И дальше структура... И она неизменна на протяжении я не знаю скольких тысячелетий...

М.К. Но это представления же культурного характера, а не натуралистического!

Д.Г. Да! Конечно! Абсолютно точно! Но опять же мы ведь знаем, да? что темперамент у нас кровью передается. Генетически наследуется у нас через кровь. «Полукровки» у нас бывают и масса других вещей... Аналогично: ну что такое орган чувств? Ну что такое орган чувств? Где у нас орган чувств? Сердце. Понимаете? Нет, ну прошедший школьный курс анатомии и физиологии уже представляет себе, что не кровь является носителем генетических качеств, не другие там... вещи... и... не в сердце чувства локализируются. Но какая разница? Культура нам диктует именно это, да! Совершенно согласен!

Л.Ч. Именно культура диктует, потому что...

Д.Г. Да! Да!

Л.Ч. ... потому что... Замечательный вопрос... У Фромма есть замечательное описание, как человек приехал исследовать к аборигенам, и они говорят: «Глупый тот, кто думает, что думает он головой». Это ведь нам навязывается... Откуда мы знаем, чем мы думаем, чем мы чувствуем?

М.К. Я согласна.

Л.Ч. Но мы говорим: «в душе»... «голова у тебя как»... «крыша поехала»... Но почему не фундамент поехал? Потому что мы думаем, что мы думаем головой. Но это ведь большой... большая мифология. Мы живем в мире мифов, и эти мифы воспроизводимы. Самый большой миф – это миф себя и миф адресата. Миф слушающего. Если хотите, миф аудитории. Мы же ведь... Вот тут речь зашла, что мы чужое берем и делаем это чужое своим, да?

С.Р. В том числе – да.

Л.Ч. Баобаба не видели, а он наш, родненький! Всё! А я думаю, проблема здесь очень большая. Она, проблема, глубокая. Она состоит в дискретности человека как существа и в континуальности мира и сознания. Вот сознание человека нигде не кончается и не начинается. А мир [человека] дискретен. И по этому поводу совершенно замечательно

сказал Якобсон: «Мир ребенка кончается детской. Все прочее мыслится по аналогии». Вот эта аналогичность нашего мышления, вот эта ассоциативность и прочие вещи... и обращение к другим, далеким вещам, которые, может быть, для кого-то романтика, а для нас экзотика... Они, эти вещи обусловлены тем, что мы довольствуемся текстовыми знаниями, потому что эмпирическое знание... ну что? где вот оно? Вот заканчивается детской! Вы эмпирически верифицировать что-то можете, проверить, но только то, что действительно какое-то физическое. Все прочее, все прочее мыслится по аналогии. Вот эта аналогия... Тело... ну, то, что, скажем, рельефно оно, именами тела передано... Но самое интересное... Слушаю текст... О журналисте Гонгадзе идет текст... «Найденное тело не принадлежит журналисту Гонгадзе». (*сдержанный смех*) Дальше. Дочь Деникина совсем недавно: «Он будет рад, если его [отца] перезахоронят». Где тот он? И чему он, тот, будет рад? [Тот,] миф о ком есть.

С.Р. Но это не мифология, это немножко другое...

Л.Ч. Ну не знаю я, что это другое. Давайте назовем это как-то... Какая разница? Это то, во что мы верим, то, что...

Д.Г. ... то, что моделирует наш мир.

Л.Ч. ... то, что моделирует наш мир.

Д.Г. И то, что, самое интересное, мы можем на уровне каких-то там лингво-философских, да? рефлексий... рефлексий...

Л.Ч. Да!

Д.Г. ... не знаю, прошу прощения...

Ю.С. Да ладно! Уже все равно!

Л.Ч. «Рефлексия» от «рефлектировать».

Д.Г. ... уже что-то выстраивать, да? Самое смешное, что в своей обыденной речи, и язык нам это навязывает, и фразеология нам это навязывает, и масса всего, мы все-таки... Да, давайте возьмем вот то, что буквально вот те же Лакофф, Джонсон говорят... язык – канал связи... Вот эта метафора и прочее... И конечно, мы можем сколько угодно говорить, что каждое понимание есть непонимание, можем цитировать Потебню про две свечи...

Л.Ч. Конечно!

Д.Г. ... его пример, замечательный... Наша обыденная речь, я за собой слежу, я все-таки знаю вот все эти тексты, будучи с ним полностью согласен, но... мы берем свои знания, когда говорим, и перекладываем в чужую голову. Что мы делаем? Конечно! Когда профессор читает лекцию, он берет свое знание, его вербализует и вкладывает в головы студентам.

В.К. Мить, ты действительно так думаешь? (*общий смех*)

Ю.С. Он хочет верить в это.

Д.Г. Я с самого начала оговорился... Нет, вы можете шутить, но проблема в том, что это... Опять же, на уровне научных представлений я понимаю, да? когнитивное воздействие, там собственные мысли рождаются, что-то я могу как-то стимулировать единственно вербально... Но это уже... другое знание... На уровне языкового моего мышления, на уровне моей речи...

В.К. Ну я понимаю – «вложить в голову», «вбить в голову» и так далее.

Д.Г. Конечно! Я только одну метафору посмотрел, которая нам навязана на самом деле, конечно, в том числе и фразеологией. Конечно!

В.К. Но с другой стороны, меня интересует... И я очень рада, что мы возвращаемся к тому все-таки, *что* нас держит, *что* мы транслируем, на *что* мы опираемся. У меня... Вот мои студенты и коллеги здесь сидят, они не дадут мне соврать... Я всегда провожу такой ассоциативный эксперимент, среди молодого поколения, студентов, да? Я спрашиваю: «Дорога – вот какой образ встает?» Вот интересно, что 99 и 9 в периоде [процентов] студентов [говорят]: это, во-первых, не город...

М.К. ... проселочная...

В.К. ... это за городом. Это, во-вторых, как правило, не асфальт, а грунтовка. И в-третьих, это, как правило, открытое пространство. У меня возникает вопрос: что навязало этот стереотип молодому жителю мегаполиса? Язык?

М.К. А вот тут хорошо было сказано: текст во многом, да?

В.К. Или тексты?

Д.Г. «Проселочным путем люблю скакать в телеге...»

В.К. Кто может продолжить?

М.К. Тексты, наверное...

Л.Ч. Текстовое знание.

Ю.С. Нет, не только...

В.К. Да, Татьяна Борисовна, пожалуйста...

Т.Д. (Татьяна Дианова) Очень многие стереотипы такого рода все-таки заданы и изобразительным рядом...

С.Р. Изобразительным, конечно!

Л.Ч. Конечно!

С.Р. Картины Левитана...

Т.Д. Шишкин, Пышкин, Коротышкин... Это наши стереотипы, которые... Понимаете, березка...

М.К. Детское...

Т.Д. ... золотая осень... Левитан и так далее. То есть это учебник. Это во многом тексты, ставшие, так сказать, «своими» в ходе школьного

обучения и заталкивания, как бы вот... индивидуального молодого организма мыслящего... в определенную среду культурную, да? И оформление его...

М.К. Навязывание...

Т.Д. ... навязывание ему разных текстов, в том числе – текстов самоописания, в том числе – текстов восприятия, потому что восприятие готовят тоже в школе: «Давайте напишем сочинение», да? Вот оно должно начинаться – какими словами? «Лето я провел хорошо.» (*общий смех*) А заканчиваться: «Усталые и довольные мы возвращались домой». Вот так мы будем писать автобиографию. Вот так мы будем писать любой другой текст и так далее. Но это интересно... Конечно, такая стереотипизация, вот такого рода, она, на мой взгляд, требует еще одного интересного момента – выделения... зон внутри культуры, которые... как бы... более или менее... насыщены стереотипами или как бы... требуют их. Потому что... вот, возьмите свадьбу... я как бы о своем, о девичьем, да? о фольклоре... (*смех*) Культурные сценарии, которые реализуются в свадьбе и поддерживаются множеством символов и метафор, сравнений и так далее, но их довольно ограниченное количество... Это, значит, сценарий торга: «у вас товар, у нас купец»... Да? Это сценарий охоты... значит, утка и сокол, который за ней, соответственно, гоняется... или охотники: куница там, лисица и так далее, да? Что это, как не есть применение определенных... вот каких-то исторически сложившихся сценариев в конкретной ситуации. Ситуация символически плотная, очень насыщенная. И действительно, она должна быть таковой, и поэтому она обрастает большим количеством этих стереотипов, то есть слои сгущаются максимально. Тогда возникает вопрос значения... Ну, «князь – княгиня», само собой... Да? «Княжеский пир» – это уже исторические вещи, я думаю. Все тут же славят их... Причем, что интересно... Все эти стереотипы... они относятся к разным уровням по тому, что предложила Виктория Владимировна, но сходятся в единых, очень коротких текстах. И это вот очень интересная вещь... Более того, внутри того же самого фольклора есть, например, зона (вот что меня поражает)... казалось бы, вот общефольклорные символы, которые означают... ну скажем так, соитие, да? такие эротические иносказания... Везде, во всех жанрах, например, будут встречаться... «конь», «колодец», совершенно нормально... «пахота»... да? Тоже культурные сценарии, которые применяются, да?... «пашня» там, «плуг» и так далее. Это везде. И только в лирических песнях почему-то – «крытьё крыш».

С.Р. Что?

В.К. «Крытьё крыш».

Т.Д. Да, и причитания...

Д.Г. Это очень лирически, видимо... (смех)

Т.Д. ... и причитания... «Чужие пашни пашешь»... да? «своя зарастает»... «Чужие крыши кроешь»...

Л.Ч. «Своя худая...»

(Кто-то из аудитории) «Своя едет»... (смех)

Т.Д. «Своя разрушается!» и так далее. То есть вот... Между прочим вот это вот «крытьё крыш» как такое эротическое иносказание нашими коллегами из Института славяноведения и балканистики не было осознано, потому что они не работали с такими крупными филологическими формами, как песни.

Ю.С. У них не было предметного мышления. Только абстрактное было, а это... (смех)

Т.Д. А работали они на другом материале. Соответственно... вот эта зона... вот в частности, эта песенность, да? И здесь идет избыточность тоже, буквально... целый ряд... вот этих отсылок... стереотипного характера, которые нас постоянно возвращают к тому, чтобы у нас возникла, возбудилась... вот именно нужная ассоциация. И чтобы она появилась, они постоянно повторяются. И мне кажется, то, о чем здесь речь шла... научный дискурс... который тоже очень плотная такая, символическая зона, которая требует постоянной метафоризации, постоянного использования разнообразных сценариев. Тем более что... меняется... во многом, конечно... предметное некое поле и представление о нем. Смотрите, сколько у нас появилось терминов за последнее время, да? «Поле», «пространство»... все время все идет как бы «вглубь», «вширь», «обретает объемы» различные... и в лингвистике в том числе... Как только входим в поле описательности... и некой... номенклатурности такой, да? тут же возникают вот эти вещи. То есть мне кажется, очень важно показать, какие зоны внутри культуры... еще являются... наиболее такими вот... востребованными... с точки зрения возникновения вот этих... этой плотности... То есть какие плотные?

М.К. А я вот вопрос, если можно, прямо к этому, вот про «крыши» и прочее. Меня вот всегда интересует: почему вот именно «крыша» туда попадает? Вот здесь она попала в фокус вот этого вот, да? эротического соединения, да?

Т.Д. Мне даже кажется, что это не совсем «крыша» – может, «кроет».

М.К. Может быть.

Т.Д. Из-за «кроет».

Ю.С. Глагол, глагол здесь ...

М.К. Может быть. Да. Скорее всего. Глагол здесь. Да.

Т.Д. Но в этом контексте, извини, «Гриша, почини мне крышу»...

М.К. Да.

Т.Б. ... выглядит уже совершенно иначе. (смех) Это не вот эту крышу [голову] почини.

М.К. Это понятно.

Т.Д. Правда?

М.К. В том-то все и дело. Ну, верх и низ, голова и другие места... тоже совпадают... в других изречениях. Там они в общем заменяют друг друга. Поэтому на самом деле вот интересно, что в разных областях... вот это фольклорные тексты, причем целый сюжет, целый жанр, тексты именно... и фразеологизмы... Вот здесь интересно посмотреть в рамках одной культуры, чем нагружены и какую функцию имеют эти имена. Они, может быть, и держат и те, и другие тексты, да? То есть они... они... междисциплинарны, что ли...

Т.Д. Да...

М.К. Они культурно нагружены.

Т.Д. Ну да, но вот здесь...

М.К. И оборачиваются разными гранями.

Т.Д. ... они связаны разными отношениями. Вот почему? Потому что в этом стереотипе оказывается все связано, потому что...

М.К. ... деятельность, жизнь...

Т.Д. ... по аналогии, по ассоциации нужен глагол, действительно «крыть», «покрывать» и так далее. Это понятно, да?

М.К. Да.

Т.Д. А затем уже срабатывает уже «крыша».

М.К. ... пошла «крыша».

Л.Ч. Ассоциации по глаголу невероятно сильны.

М.К. «Наши глазки – как салазки» – не случайно все это.

В.К. А значит – с упорством маньяка – держит нас все-таки образ.

Л.Ч. Образ. Образ, конечно.

С.Р. Образ. Но образ языковой все-таки... Я бы хотел в какой-то степени возразить. Безусловно, фразеологизм не только языковые знаки. Это понятно. Но все-таки... видимо, язык позволяет нам, скажем, сохранить нечто, что противоречит массе вещей, которым нас учат в школе, в высшей школе... Потому что язык консервирует в себе какие-то представления, которые, как вот уже говорилось, реальности, насколько мы сейчас знаем, не соответствуют. Движения здесь могут быть... тенденции разнонаправленные. С одной стороны, это могут быть представления, которые действительно могут так или иначе классифицироваться как мифологические... скажем, как «голубая кровь», да? или что-нибудь в этом духе... Вот. Есть вещи... В общем, то, что... в том числе, то, что

идет от слов, которые мы не можем на своем опыте проверить. Совершенно точно. Есть масса зон, которые нам недоступны для того, чтобы пощупать, поэтому мы что-то заимствуем. Есть и обратная вещь. Мы говорим, что солнце «восходит» и «заходит». Это то, что ровно мы наблюдаем, но это неправда.

В.Б. Оно «встает» и «садится».

С.Р. Ну, или «встает» и «садится», соответственно... Да вообще само слово «небо» бессмысленно в наше время, если задуматься. Никакого «неба» нет на самом деле, это оптический обман исключительно, это свойство нашего глаза плюс некоторое свойство...

Л.Ч. И перспектива, между прочим, это тоже свойство нашего глаза.

С.Р. И перспектива тоже... Ну, «перспектива» – это уже ученые слова, а я беру такие самые... простые. Хотя «горизонт» уже вошло...

Л.Ч. ... давно...

С.Р. ... во фразеологию, да?

Л.Ч. Конечно.

С.Р. ... и в такие вот стереотипы. То есть все-таки язык здесь очень важен, потому что...

М.К. ... аналогия...

С.Р. ... позволяет сегодня зацепиться как-то...

М.К. Да. Это я согласна. Языковой механизм работает.

С.Р. Потому что если бы он не держал... вот этих вот представлений...

Л.Ч. ... то не было бы и культуры.

С.Р. ... то не было бы и всего остального.

М.К. Он держит на аналогии, на образе, да? Вот образ и аналогия принадлежат языку.

С.Р. Образ... Аналогия...

М.К. Области языка, грубо говоря, да?

В.К. Образ – нет, нет...

М.К. Как нет? Конечно, да! Потому что образ и аналогия – вещи просто взаимосвязанные.

В.К. Они взаимосвязанные, но, с моей точки зрения, образ языку не принадлежит.

М.К. Нет, он как раз еще в языке.

В.К. Мне кажется, что нет.

С.Р. Потом... на межкультурной и на межъязыковой, конечно, [коммуникации] очень хорошо это видно... Скажем, вот в Берлине... поскольку я занимаюсь еще современным искусством... мы делали одну вещь, которая построена на... «железной дороге». Значит, сразу появляются у людей вопросы, непонятные, ассоциативные, конечно, какие-

то ряды. Я начинаю понимать, что для русского человека «железная дорога» – совсем не то, что для немецкого человека. Ну, хотя бы потому, что средняя поездка по немецкой железной дороге – это 3–5 часов. Ну, пять – это уже даже много. Обычно это так... до 4-х часов в среднем. То есть для нас это вообще не дорога...

В.К. До дачи доехать. (*общий смех*)

С.Р. Да! В принципе, да. И я начинаю вот все объяснять, что это для русского человека, который с кучей еды, так сказать, (*общий смех*) устраивается, основательно... Начинаются тут же какие-то беседы в купе, это уже, так сказать, совершенно обязательная и совершенно неведомая европейскому человеку реальность. Да? Вот сидение в купе и беседы...

М.К. ... почему так много и ест!.. Да? Съедается столько!... Целые сумки!..

С.Р. Да, когда успевают за столиком... Когда вот мужская компания собирается в купе, то успевают за минут 20–30 обсудить вообще все мировое положение. Быстро так, раз! Всё! Обсудили всё!

Ю.С. Вы забыли одну деталь!

С.Р. Да?

Ю.С. Это не сразу бывает. (*общий смех*)

С.Р. Правильно, я имею в виду...

Ю.С. Сначала надо расслабиться.

В.К. Но это нужно быстрее, чтобы потом перейти к важным вопросам мировой политики и футбола.

С.Р. Это может произойти очень быстро... Я почему назвал такой крайний вариант? Скажем, если вы едете в Питер, то времени не так много, потому обычно надо все-таки поспать потом. Но люди вот за этот час-полтора до сна, они успевают всё расставить по своим местам.

Ю.С. Я так ездил в Тверь.

С.Р. Всем политикам достается...

М.К. Да они жизнь проживают... иногда... за одну ночь.

С.Р. Ну... всяко бывает... То есть...

Ю.С. Но меня беспокоит только одно...

С.Р. Но вот сейчас...

Ю.С. А то забуду! Ну, вот что сегодня у нас как-то все язык, язык, язык...

С.Р. А что же нам еще обсуждать?

Ю.С. А может, еще что-нибудь есть?

М.К. Сознание.

Ю.С. А вот между прочим хорошая была идея о плотности!

С.Р. А вот я про межкультурную коммуникацию говорил!

Ю.С. О плотности культуры! Между прочим, никто об этом не упоминал. Но! Я боюсь, что «дорога» и даже эти коварные русские глаголы... которые вот употребляются с «крышами»... что называется «крышевать»... По сути дела имеем ведь дело с тем... почему мы зовем... Существует, видимо, я не знаю, правда, как это определить, потому что я не знаю, что такое сознание... мы имеем дело или с генопамятью, или с геносознанием. И он, между прочим... вот этот вот... вот этот инструмент, этот механизм позволяет нам, между прочим, идентифицировать самих себя, кто мы такие. Почему об этом никто не говорит?

М.К. Сейчас и поговорим.

С.Р. Сейчас будем, вот вы мне не дали... Все время мешаете мне договорить...

Ю.С. А перерыв будет, нет?

М.К. У Вас уже был перерыв.

С.Р. Очень-очень важная мысль, Маша, относительно того, что фразеологизмы – не просто так. Они, конечно, воспринимаются как какая-то энергетическая точка. И это тоже на межкультурной коммуникации очень хорошо проявляется. Есть такой тупой, стандартный, но тем не менее совершенно логичный ход, когда в каких-нибудь речах международных говорят: «Как говорит...»

М.К. Да!

С.Р. «... такая-то пословица»

М.К. Авторитет народа.

С.Р. «... соответствующего народа...» И подбирается либо тот, либо...

М.К. Апелляция к авторитету.

С.Р. Обычно чужой, да? чужой народ. Русский политик приехал во Францию и говорит: «Как гласит...»

М.К. Да, с этим не поспоришь...

С.Р. «... французская пословица...» Бац! Да? Вот она...

В.Б. А собственно, что значит «энергетическая»?

Л.Ч. Я тоже не понимаю...

С.Р. Это значит, что воспринимается как некая силовая ...

М.К. ... сгусток...

С.Р. ... точка вот в речи.

В.Б. Вы хотите сказать, что?..

С.Р. Вот можно сказать ровно вот то же самое, что сказано в этой пословице, но никто на это не обратит внимания.

М.К. Оно сильнодействующее средство.

С.Р. Это проскочит, и как бы всё... А если это пословица, то это застревает. Вот этот вот ход, он сразу...

В.К. А возникает тогда вопрос: почему застревает? – раз; почему выбрали именно это? – два; и...

М.К. А потому что обобщающий, очень генеритивный, как принято сейчас говорить, тип...

Ю.С. Какое слово?

М.К. Генеритивный. Обобщающий. Вневременной. Содержащий истину. И эта истина не объективна.

С.Р. Она не объективна, да.

М.К. Она национально, культурно специфична, но она страшно действует. Она может быть абсолютно разной. «В карете прошлого далеко не уедешь» – и это тоже истина. И застревает... по всем основаниям в голове. И образ, и сгусток вот всего... всей информации и... какая-то обобщающая...

Ю.С. Нет, ну это понятно, что они культурно обусловлены, потому что... если вот вспомнить... Один монах спросил учителя, мастера, зачем Ботхихарма пришел на запад. Ответ [звучал] приблизительно так: «Когда ты выпьешь воду из этой речки, тогда я тебе отвечу, зачем он пришел в эту сторону».

М.К. Так сказать, много воды у фразеологизма... э-э-э... (смех) Выпить трудно. А можно вопрос вот к языковому...

С.Р. Сейчас. Я только закончу просто... Я самый крайний пример привёл – это любовь наших общественных деятелей как раз к фразеологизмам для объяснения как раз русской души иностранцам. Это стандарт. Вот, я не знаю, Дмитрий Борисович куда-то отлучился... он тоже занимался переводом. Это самая веселая роль для переводчиков, когда наш какой-нибудь дядя говорит непонимающим иностранцам: «А вот я вам сейчас объясню...» У него проясняется тут [в голове]... и он говорит: «Это все равно что...» и тут следует фразеологизм...

М.К. ... непереводаемый...

С.Р. ... который стопроцентно непереводаем ни на один чужой язык. Но это просто говорит о том, что вот эта вот энергетичность фразеологизма определенным образом осознается. Даже не только она ощущается...

М.К. Да.

С.Р. Но это все – часть даже и сознательной...

М.К. Специально используется.

С.Р. ... извиняюсь за выражение, стратегии...

М.К. Да, решение остроты...

С.Р. ... поведения.

Ю.С. Требую... требую... Караул устал...

М.К. Нет-нет-нет... А можно вопрос к языковому? Вот Вы сказали «железная дорога»...

С.Р. Да.

М.К. Вот наше представление стереотипное о железной дороге, не-совпадающее с [представлением других]... Да, вот это – культура.

С.Р. Да.

М.К. А вот «железная дорога» как метонимия. Потому что ясно, что она сделана не из железа. Вот это принадлежит языку.

В.К. Вот!

С.Р. Да.

М.К. Я про то, что метафора, образ, метонимия – вот это у языка. Это механизм создания аналогии, а иначе нам...

В.К. Согласна, у языка. Но образ, на основе которого мы все эти тропы начинаем использовать...

М.К. Вот это уже другая область.

В.К. ... вот это уже не язык. Это уже совершенно другая область. Да.

М.К. Правильно! Идет переориентировка. Мы у фразеологизма...

С.Р. Вы просто режете их...

В.К. Нет!

М.К. Нет!.. А не надо!

С.Р. Вы не найдете того места...

М.К. Нет, мы не хотим отделять плевела от...

Ю.С. Хотя Вика Красных... она не пишет...

В.К. Что я не пишу?!

Ю.С. ... художественной литературы...

В.К. А-а...

М.К. Пока еще...

Ю.С. Пока еще. Но!

Л.Ч. А уже должна...

Ю.С. Уже скоро будет... Но! Дело в том, что она права! (*общий смех*) Но!

Д.Г. «Но!» Здесь совершенно это «Но!» (*общий смех*)

В.К. Юрий Александрович, спасибо! Это тот редкий случай, когда Юрий Александрович сказал, что я права!

Ю.С. Это не язык! Нету там... Образа нет в языке!

Л.Ч. Можно мне сказать?

Ю.С. Нету категорически!

М.К. Образ – это в языке!

Ю.С. Нету там!

Л.Ч. Хотя Виктория Владимировна...

М.К. Образ – в языке!

Ю.С. Ну мы, может, сделаем перерыв, а?!

М.К. Вы опять про перерыв!

В.К. Тише-тише! Сейчас, сейчас, Юрий Александрович! Сейчас. Людмила Олеговна...

Л.Ч. Во-первых, я хочу внести логику в наши рассуждения. Позвольте. Значит, логика... Вернемся вот к тому, о чем мы говорим. Локус – «начало». Виктория Владимировна еще не пишет художественных произведений, но я с ней не могу согласиться по поводу трактовки образа, и мы никогда друг с другом не согласимся, если мы не внесем некоторую ясность и сюда. А ясность – вот простая до очевидности. Есть позиция говорящего и есть позиция слушающего. Что такое коннотация для слушающего – это мы все уже знаем. Это со-значение, которое денотативное значение сопровождает.

М.К. Это старое представление.

Л.Ч. Но вопрос-то ведь... коннотация-то ведь есть у говорящего! И тогда мы переходим в плоскость совершенно иную! Мы переходим в плоскость ассоциаций и образов предметов внешнего мира, явлений, составляющих нашу культуру... повседневную, не знаю... научную и так дальше. И вот мне кажется: разведение двух позиций – образ, идущий к слушающему от текста...

М.К. Вы хотите усложнить коммуникативную еще...

Л.Ч. Нет, я не хочу усложнить! Я хочу упростить, вернув всё к концепции языка и языковой деятельности Щербы. Я хочу упростить. Потому что есть позиция, которая называется «позиция слушающего», и «позиция говорящего». Правда, надо сразу сказать, что мы определяем... мы позицию говорящего только моделируем. Она превращенная, потому что мы имеем дело только с текстом. Мы не имеем дела ни с сознанием просто так и потому не знаем, что оно такое. Мы знаем только одну реальность. И это одна онтология – вот оно написано, и я читаю. Читаю я следующее: «Культурные факторы воспроизводимости в дискурсе». А у меня есть логический образ дискурса, и я сижу, пока вот все идет обсуждение, и думаю, а правильна ли формулировка. Она противоречит моей интуиции дискурса, моей интуиции понятия. Потому что... Мы сейчас о чем говорим? Вот есть речь. Это первая онтология. Единственная, я думаю. А дальше, все прочее – это гипотезы. И даже язык – он реальность какая, как известно? Объективная, но идеальная. Реально, физически существует только речь. Все прочее – наши гипотезы относительно устройства. Была уровневая гипотеза, она сменилась полевой, плавно и незаметно ни для кого. А структура языка? Мы можем только предлагать свои гипотезы. И сейчас мы собрались для того,

чтобы предложить свое видение объекта. Так что же в речи воспроизводится, а что свободно создается говорящим? Вот я думаю... Моя... так сказать... не семантика, а моя прагматика... она вот с чем тут не согласна, с формулировкой? Значит, есть воспроизводимость в речи каких-то фрагментов. Эти фрагменты принадлежат культуре, но культуре множество всяких кодов принадлежит, а мы говорим о языковом коде. Вопрос... Вот для меня дискурс – это и есть те фрагменты... хотите – языкового сознания, хотите... чего хотите... которые воспроизводятся. Вот дискурс – это то, что в речи воспроизводится. Или то, что ограничивает нашу свободу. И вот мы пока... Я вот всё [все рабочие материалы] прочитала очень внимательно... подчеркнула, поработала со всеми материалами, которые получила... Но я думаю, пока мы не договоримся о терминах, пока мы не решим одну конкретную задачу: вот это мы считаем дискурсом, а это – не считаем. Вот это мы считаем концептом, и можно сяк и так смотреть, а это – не считаем. Вот это подлежит семантическому размежеванию, и мы обязаны тут потрудиться. Чем шаблон отличается от штампа? Я знаю, у Виктории Владимировны были статьи... Я хочу, чтобы это... понимаете, вот... мы говорим о симболариуме, но давайте для начала терминологический словарь составим! Словарь понятий, с помощью которых мы и можем смоделировать, соответственно, и описать ту... те факторы воспроизводимости в нашей индивидуальной речи, которые... вот мы как-то и назовем. Назовем ли мы это дискурсом...

Ю.С. Почему же все-таки нет ответа... возражения насчет образа. Я все слушаю... вот образ, образ...

М.К. Ничего подобного. Было сказано...

Л.Ч. Я сказала, образ...

М.К. Была другая предложена процедура описания...

Л.Ч. Нет, я сама могу себя расшифровать.

М.К. Извините.

Л.Ч. Значит, образ с позиции слушающего – это те ассоциации по поводу данного явления... Я не знаю... очки... банальное явление, у меня есть представление об очках... в том числе – и то текстовое, с мартышкой связанное. Я все это в сознании имею. И соответственно, я... вот мое представление о фрагменте действительности... «а сейчас мы будем говорить о высоком... или о прекрасном»... значит, вот этот топик, он уже определяет, какими словами мы будем об этом говорить. Значит, образ прекрасного, мой, он будет направлять мою речевую деятельность. И он будет брать, конечно, уже кирпичи, существующие в культуре и в речи, того, что сказано до меня... И вот я из всего из этого, наверно... в этом смысле Гаспаров прав... вот из этого из всего я буду

варить свою собственную индивидуальную речь и свое собственное предлагать видение какого-то явления. Но видение этого явления и будет направлять мою речь. Вот поэтому я образ с моей, с позиции говорящего...

В.К. Я понимаю, но образ-то...

Л.Ч. А вы расшифровываете.

В.К. ... но образ-то для Вас... это, так скажем, это образ языка? Или нет?

Л.Ч. Ну, знаете, как... Тут вообще-то недавно докторскую одну оппонировала... про образ как раз... Сильная проблема... сильная...

М.К. Языка!

В.К. Не-а!

Л.Ч. Так вот я думаю, что здесь нужно образ как-то отделять. Вот тот след явления в нашем сознании, один образ, перцептивный, если хотите...

М.К. Да.

Л.Ч. ... образ. А дальше... Я лингвистический образ – я и студентам на лекциях говорю – понимаю только там и вижу только там (вполне следуя за существующими концепциями), где есть... буква «а», например... где есть одномоментное видение двух явлений, а это дает только язык. Вот когда говорят, мы...

М.К. Я не спорю, как раз я «за» то, что образ принадлежит области языка.

Л.Ч. ... мы ломаем сейчас фразеологизм и скажем... это не я сказала, это классик сказал... «душа у него ушла в валенки». Но мы-то это ломаем, создавая некий, как Вы сказали верно, новый минисюжет. Значит, мы для чего-то это делаем. Мы что-то хотим еще этим сказать...

М.К. Оживить, может быть.

Д.Г. Смысл этого сюжета понятен, только когда мы знаем старый сюжет.

Л.Ч. Конечно! Это фон – старый сюжет... вот Ваши фразеологизмы, они же действительно... на них играют... и всё... А я знала одну простую женщину, которая пословицами говорила так, как она не говорила... вообще словами... Но интересные были выражения. Она говорила ребенку: «Ты не будь, чем щи-то наливают!» Я нигде никогда не видела вот этого фразеологического...

С.Р. Может, это ошибка? «Хлебают»...

Л.Ч. А? «Ты не будь, чем щи-то наливают!» Почему «хлебают»?

В.Б. «Не лаптем щи...»

Л.Ч. Нет! Она говорила: «Не будь половником!» Пустым предметом в ее системе ценностей.

М.К. Вот этой держалой, этим пустым предметом.

В.К. Но «пустой предмет» – это же не часть языка!

Л.Ч. И какие-то еще вещи... Я не знаю, может, она их сама создала...

М.К. Правильно!..

В.К. Это не часть языка...

М.К. Но образ...

В.К. ... это выражается в языке, оно передается при помощи языка, но...

М.К. Нет, вот можно про образ? Вот все-таки, когда я говорю «как в воду глядеть»... Или «не лаптем щи хлебать» или «не будь тем, чем щи наливают». В этот момент происходит буквализация фразеологизма...

В.К. Все правильно, но...

М.К. Сейчас-сейчас-сейчас... Я воспринимаю фразеологизм, и мгновенно у меня идет отождествление вот этой картинки, которая нам дана буквальным прочтением фразеологизма, да? с той ситуацией, о которой я говорю. «Как если бы ты наливал что-то вот этим неподходящим предметом...» Вот это дано... Вот я это увидела... Наложилось. И этот образ идет в восприятии языкового знака. Говорящий передает слушающему вместе с информацией вот это образ. Он его получил, на это испытал эмоцию... Но! А где культура тут? А культура здесь все-таки...

Л.Ч. А культура – чтобы не хамить слушающему...

М.К. ... другая. Нет-нет-нет! Хотя и это тоже...

Ю.С. Когда мы будем кофедринкать, а?

М.К. Нет, культура здесь, что это нечто пустое, да? Что надо делать другим. Что вот «щи» – символ там того-то, «хлебать»...

Л.Ч. Да-да-да...

М.К. Вот это все из области и культуры, а буквальный образ, который дан в мгновенном видении, – это язык.

В.К. То, что язык, безусловно, является транслятором этого дела, тем, в чем это закрепляется, тем, при помощи чего нам это насаждается, никаких сомнений! Да, однозначно! Двумя, тремя, пятью, десятью руками «за»! Но! Когда мы говорим, что сам образ принадлежит языку...

М.К. То есть ты переходишь совсем к сознанию, ты про это?

В.К. Я думаю, что это то, что за языком стоит.

М.К. Ну, пожалуйста.

Л.Ч. Нет, ну первоначальный образ, конечно, в сознании.

В.К. Вот!

Л.Ч. Нет, ну, конечно, в сознании.

В.К. Вот об этом и речь!

М.К. Но мы его включаем в язык, потому что у нас общение, у нас речь. А язык и сознание – это соединено...

В.К. Язык – это канал, это средство. Это то же самое, что я могу сказать: образ принадлежит краскам. Но краскам он не принадлежит.

Л.Ч. Да, да...

В.К. При помощи красок, при помощи кисти я передаю, создаю и так далее...

М.К. Ну если так, тогда да...

Д.Г. Метафора, конечно, изящная, но, на мой взгляд, не очень удачная.

Л.Ч. Метафора чего?

Д.Г. Нет, ну значение принадлежит языку или нет? Очень простой вопрос.

Л.Ч. Ой, так это ж... (*общий смех*)

Ю.С. Я больше не могу...

Д.Г. Вопрос простой... Значение принадлежит языку? А если значение, то оно не только денотативно, это ж тоже понятно.

В.К. Ну все правильно. Но там гораздо более сложные штуки, которые гораздо шире...

М.К. ... гораздо шире понимания. Там и сознание, и речь, и коммуникация... Вот тогда это язык.

Л.Ч. Значение принадлежит языку.

В.К. Значение – да.

Д.Г. А почему тогда образ?..

М.К. А почему тогда образ не принадлежит языку? Я совершенно согласна с Дмитрием Борисовичем.

В.К. Ассоциации принадлежат языку?

Д.Г. Думаю, да. Они принадлежат значению.

Ю.С. Значение принадлежит языку?! Это довольно жалкое зрелище. Потому что значение – это пустышка.

М.К. Просто для нас язык... Мы его по-разному понимаем. Для Вас язык это только «б-б-б» – слова... (*общий смех*)

Ю.С. Ну понятно... (*смех*) Ничего подобного! И «пальпация» – это тоже язык.

В.К. И что, простите?

Ю.С. «Пальпация».

М.К. Это уже невербальное.

В.К. Так, уважаемые коллеги...

М.К. Юрий Александрович уже третий раз выходит...

В.К. Да, я понимаю, что Юрий Александрович уже третий раз выходит...

Ю.С. Второй раз...

В.К. Да, но я боюсь сейчас объявлять перерыв, потому что мы потеряем этот запал...

Л.Ч. Нет-нет, давайте без перерыва, вот мы закончим...

В.К. Я думаю, что мы закончим, да...

Л.Ч. И подведем какой-то итог...

В.К. Нет, подождите. У меня еще есть несколько проблем, которые мне хотелось бы довести до конца. Мы их как-то затрагивали, но... в ту сторону вообще не шли. Во-первых, это то, о чем говорила Татьяна Борисовна Дианова, и на самом деле это то, что отсылает нас к самому началу разговора: зоны «сгущения» внутри культуры, которые фактически и являются... «порождающими», очевидно, какими-то зонами, на основе которых идет стереотипизация и внутри которых идет стереотипизация. То есть они оказываются актуальными для культуры. А это вопрос, который я Вам задала едва ли не первым, Юрий Александрович: все ли то, что вокруг нас окружает, стереотипизируется? Я уточню сейчас свой вопрос. Все ли то, что нас окружает, стереотипизируется и оказывается актуальным для культуры? Мне кажется, что стереотипизируется в первую очередь именно то, что для культуры актуально.

Л.Ч. Да.

В.К. А остальное у нас «за гранью». Вот в связи с этим и был мой вопрос: всё или не всё?

М.К. Это может быть случайным. Случайное попадание.

В.Б. Ну смотрите, «Мона Лиза»...

Ю.С. Не трогай святую женщину...

В.К. Конечно, «Мона Лиза» не случайна... Она актуальна или нет? Я Вам докажу, что она актуальна...

В.Б. Нельзя говорить о ценностях вот каких-то... недвижимостях...

В.К. Вы знаете, мне кажется, что «Мона Лиза» актуальна, потому что... У нас есть «ниша» «загадочной улыбки». «Мона Лиза» эту нишу заняла. Поэтому я говорю... Например, цитата из фильма «Самая обаятельная и привлекательная»: «Крокодил с улыбкой Джоконды».

Ю.С. Да нет у нее загадочной улыбки!

С.Р. Это не имеет никакого значения.

Д.Г. Неважно, есть она или нет, важно, что она воспринимается именно так.

В.К. Всё! Значит, это уже актуально.

В.Б. Не «Мона Лиза», а пародирование, карикатуры на «Мону Лизу». Вот они актуальны, а сама она...

В.К. Нет! Актуальна сама «Мона Лиза»!

С.Р. Они не были бы актуальны, если бы не была актуальна она сама!

Д.Г. Здесь просто надо уточнить, действительно, потому что здесь большая проблема, с которой мы сталкивались. Это то, о чем мы с Викторией Владимировной много и долго говорили, когда обсуждали прецедентный текст, да? Что такое прецедентный текст и в чем отличие нашего понимания, скажем, от понимания Караулова... Когда мы говорим о прецедентном тексте, речь идет... давайте я сейчас просто скажу – об «образе текста»... и не буду вдаваться в детали... максимально упрощенном. И текст «Обломова», конечно, прецедентный для русских, хотя его читало... хорошо, если пять процентов... Поэтому могу сказать совершенно точно – имя... мы проводили анкетирование...

В.К. Да.

Д.Г. Замечу, там много было информантов в пяти разных местах... причем мы сознательно старались занижать средний уровень... там из ПТУ были товарищи... вот один был из ПТУ... Надо было объяснить, кто такой был Обломов (сейчас не буду объяснять подробно – долго рассказывать)... Вот, он написал: «Герой романа Тургенева». Вот. После чего следовало: «Он называл своего друга Обломовым, потому что... (продолжите предложение)» – «он все время лежал на диване и ничего не делал». То есть он совершенно точно понимает, какой образ стоит за этим именем, понимаете? И он вообще содержание текста знает... что лежал на диване и...

М.К. Самое главное.

Д.Г. Опять же «Джоконда» для нас существует... Понятно, не картина Леонардо да Винчи... это предмет искусствоведов, культурологов и прочее... А существует, да, Вы правы – карикатура и редуцированный образ. И это не только загадочная улыбка. Замечу, там есть еще одно значение... Это... я бы сказал, это «шедевр живописи»...

В.К. Безусловно.

Д.Г. Вот это вот так вот надо рисовать. (*общий смех*)

С.Р. Так же, как и Венера Милосская.

Д.Г. Да.

С.Р. Кто ее видел и кто может ее внятно описать? И никто не делает карикатуры на «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи... хотя мне она нравится больше... но никого она не интересует. Никого не интересует Венера Книдская, которая рядом с Милосской стоит... на мой взгляд, гораздо интереснее... Потому что не входят...

М.К. Вот и случайность попадания.

С.Р. ... не входят вот в эту самую актуальную... актуальный набор...

В.Б. Можно к другому предмету для примера вернуться? Уже такие примеры были, такого типа... «танталовы муки», «сизифов труд», да? Та же «варфоломеевская ночь», тот же «план Барбаросса»... Все адекватно здесь употребляют, да?

С.Р. С ограничениями...

В.Б. Да. Но! Ничтожный только процент коммуникантов, да?..

С.Р. ... может объяснить...

В.Б. ... знает и может объяснить, откуда это все взялось... Миф ли его источник или событие его первоисточник и так далее.

В.К. А у меня вопрос: а это мешает коммуникации?

М.К. Это...

В.Б. Нисколько!

М.К. ...это объясняется только уважением к авторитетам.

В.Б. Нисколько [не мешает]!

С.Р. и В.К. Ну вот!

В.Б. Вот еще один пример. У меня очень любопытный пример... Я неоднократно спрашивал... «Здесь будет город заложен назло надменному соседу...»

Л.Ч. Кому? (*смех*)

В.К. Хороший вопрос. (*смех*)

В.Б. Это слова Петра в исполнении Пушкина...

Л.Ч. Нет-нет-нет, Вы нам можете не пояснять.

М.К. Это мы знаем.

В.Б. ... обращенные по отношению к шведам, да? Так вот, я заранее могу сказать, что внутреннюю форму этого слова сидящие за столом [преподаватели], все могут восстановить... а вот эта вот половина, помолуже [студенты]... никто не сможет эту внутреннюю форму восстановить, если только кто-то специально не обучался...

В.К. Я не понимаю, к чему это... я, наверное, упустила...

М.К. «Надменному соседу»...

В.Б. Я на протяжении пяти лет ставлю студентам один и тот же вопрос: покажите мне внутреннюю форму слова «надменный». Ни одного ответа не было правильного, понимаете? Для нас, для нашего поколения здесь нет проблемы. Вот еще такой пример... к тому, о чем говорили...

В.К. Но вместе с тем я предполагаю, что это совершенно не мешает общению. Вы сами подтвердили это...

В.Б. Да.

В.К. Совершенно не мешает общению. Более того, излишние знания иногда... Как раз излишние знания иногда мешают, да?

М.К. Да!

В.Б. Так вот, знаете, что я хотел в этой связи заметить? То, что в языке открыты были уже во второй половине XX-го века воспроизводимые структуры, воспроизводимые единицы не только на уровне фонем, морфем, слов, а и далее, да? Этому толчком были работы Пермякова по паремиологии... и дальше – прецедентные тексты, которые могут полностью воспроизводиться, да? как анекдоты, да? или короткие сказочки. «Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба...» И все это почти всегда расскажут до конца правильно, почти слово в слово, да? Вот. Ну, так же тексты, которые частично воспроизводятся, да? Это понятно, да? Вот. И коммуникацией фрагменты этих текстов могут точно так же повторяться, как и фонемы, и морфемы, и слова... и фрагменты текстов, которые отсылают к каким-то уже известным текстам... и тем ситуациям, которые были дискурсивно все-таки выражены. Вот. Понимаете? Все-таки они были выражены когда-то дискурсивно.

Ю.С. Не дискурсивно, а тогда уж дискурсно.

В.Б. Они не плавали никогда в воздухе.

Л.Ч. Тогда уж дискурсно. (*общий смех*)

В.Б. Те истории, те наши ссылки на исторические события, они были дискурсивно оформлены. В дискурсе.

В.К. Вы знаете...

В.Б. Да, так вот. Здесь у меня такое возникло... зародилось сомнение... по поводу доли... Вот, Юрий Александрович заметил правильно, на мой взгляд... здесь автоматизмы очень большую роль играют в коммуникации.

Ю.С. Ну, это не я... (*смех*)

В.Б. Нет, ну это вопрос как ставить... А вот... Есть и другая сторона применения языка... в качестве орудия рефлексии. Я почему говорю «рефлексия»? Потому что «суггестия» мы говорим, да? Ударение, по моему, здесь вот лучше.

В.К. Давайте мы не будем об этом...

В.Б. Так вот, в коммуникации меньше всего рождается новое. Оно рождается в процессе рефлексии. В процессе творческой рефлексии. Понимаете, в чем дело? Размышление человека... И дискурсивный процесс – это не только размышление в виде звучащей речи, но в виде внутренней.

О.Г. (Оксана Герасименко, V курс). А разве внутренняя речь – это не коммуникация?

В.Б. Это не коммуникация.

В.К. Нет! Это коммуникация, извините.

В.Б. Коммуникация – это стереотипы. И если что-то остроумное творилось, то это плод не коммуникации, это плод рефлексии. Это вот та самая рефлексия схватила какое-то противоречие.

Л.Ч. Это не противоречие. Это просто, по Канту, частное в общем. Вот и все. Остроумие – это просто частное в общем.

Д.Г. Нет, ну, про остроумие много чего написано...

С.Р. Рефлективное усилие, необходимое для порождения остроты, тем не менее мотивируется процессом коммуникации...

Л.Ч. Конечно!

С.Р. ... потому что человек хочет состричь! А иначе ему и не надо было бы...

Д.Г. Это зависит от человека, от ситуации...

Л.Ч. Это же операция с сознанием слушающего: он же хочет как-то повоздействовать.

В.К. Конечно! Но здесь...

М.К. У нас готовы уже структуры к этому, они готовы уже это принять.

В.К. Да, здесь единственное только я сразу хочу...

Ю.С. Здесь есть возражения...

В.Б. Вот здесь вот идет разрушение стереотипов...

В.К. Вот до разрушения стереотипов, к которому мы перейдем...

М.К. И созданию новых...

В.К. ... изначально я хочу с Вами ... не то, чтобы поспорить, но серьезно [Вам] возразить. Ни одно прецедентное высказывание не воспроизводится как фонема. Вот, извините, это мое святое убеждение.

Д.Г. Это так...

В.К. Конкретный пример: «быть или быть», «пить или не пить», «жить или не жить» и так далее... И это только один маленький пример...

Д.Г. Здесь я тебя поддерживаю, естественно. Потому что с фонемами и морфемами мы вообще очень сильно ограничены. Я не могу начать импровизировать с фонемами... (*общий смех*) если я хочу быть понятным.

В.Б. А почему? Поэты очень даже импровизировали...

Л.Ч. Это совсем другое!

В.Б. Нет, не совсем другое. Та же деятельность.

Л.Ч. Там другая деятельность речевая.

В.К. Это первое. Теперь...

В.Б. Ну, другая... но на том же уровне...

В.К. Теперь вторая мысль. В принципе это то, о чем мы уже говорили, и теперь мы снова возвращаемся к этому. С моей точки зрения, в

основе всех единиц, которые мы так или иначе воспроизводим, лежит... это уже здесь сегодня звучало, так что просто повторю... лежит разграничение «свой – чужой». И вот это основная функция, как мне кажется, воспроизводимых единиц и воспроизведения... это реализация отношений «свой – чужой».

М.К. Поиск идентичности.

В.К. Поиск идентичности в том числе. И в связи с этим... опять-таки здесь сегодня об этом говорилось... проблема игры. Проблема языковой игры. Я долго держала как «джокера» в кармане идеи Игоря Васильевича Ружицкого, потому что они как раз сейчас очень хорошо лягут на проблему, как мне кажется, разрушения. Игорь считает так... он идет вслед за Достоевским, как я понимаю... «создать игру – это разрушить культуру». И соответственно, выделяются три основных функции языковой игры: познавательная, создание комического и – третья – терминативная функция, то есть функция разрушения. И вот эта та функция, которая меня на самом деле...

С.Р. Деструктивная?

В.К. Да.

Д.Г. Деструктивная.

В.К. Деструктивная. Это на самом деле вот то, о чем...

С.Р. Это от «терминатора»?

В.К. Да, очевидно, да.

С.Р. Потому что «терминативный» – это вообще «ограничивающий»... я поэтому и...

Л.Ч. Это другой термин.

В.К. Я просто читаю, что здесь написано... «Разрушающий», да.

Д.Г. Ну, автора здесь нет, поэтому...

В.К. Да, автора здесь нет, поэтому не обсуждаем термин. Разрушающая функция языковой игры. Вот меня интересует здесь на самом деле проблема разрушения: действительно ли разрушает норму языковая игра и в том числе... идет ли разрушение стереотипов как разрушение нормы... Я не знаю. То есть еще один блок вопросов, которые мне было бы очень интересно обсудить... не знаю, как Вам... в связи с воспроизводимостью, в связи с единицами хранения, в связи с тем, как мы к ним апеллируем и как мы их воспроизводим. Это проблема разрушения. Проблема нормы и проблема разрушения в связи с этим. Я так понимаю, что это продолжение того, что Вы, Владимир Игоревич, хотели сказать, но [я] позволила себе Вас прервать.

Д.Г. Можно я сейчас попробую?

В.К. Меня прервать? Ну, попробуй. Я вообще сегодня тиха, как украинская ночь.

Д.Г. Да, я сам поражаюсь. (*общий смех*) Просто относительно игры как разрушения, да? и воспроизводимости как игры... Ну, я не буду сейчас вдаваться в постмодернистский дискурс... или что...

М.К. Или что?

Д.Г. ... где это используется, конечно, весьма активно. Я просто замечу... не так давно такой довольно известный журналист... Его размышления, очень короткая заметка по поводу... ну старшее поколение точно помнит... знаменитое выступление Курехина с Шолоховым по поводу «Ленин – гриб». Он очень резко выступает против этого явления... При все при том, что сам он постоянно играет с этими смыслами... Но он как раз говорит, что здесь проблема в том, что... да, он осознает эту игру, говорит, что да, она сделана, но проблема в том, что... (извините, у него это изящнее гораздо сказано) что жуткие страницы нашей истории в результате превращаются в фарс, в игру и так далее. И в общем уходит то, что требует действительно глубокого осмысления и прочих вещей... Но! Здесь... замечу, если говорить о воспроизводимости как об игре, то не знаю: разрушение это или нет. Могу сослаться на собственный опыт написания капустников для факультета, где совершенно удивительный эффект – я это видел на зале – представления прецедентных текстов и апелляции к ним. Причем, с моей точки зрения, как бы ничего особо остроумного нет, если бы я это выразил словами обычными, никто бы не смеялся. Но стоит апеллировать к тексту – это вызывает огромный хохот у зала, да? Потому что «вот он, диплом мой, обложечка алая, графики, сноски, листы, а по краям-то все слезы кровавые. Сколько их пролито, знаешь ли ты?» (*смех*) Зал хохочет, понимаете? Ну, понятно, должна быть определенная формулировка контекста, исполнение... Я сейчас не стремился вызвать хохот зала... Но с другой стороны, когда мы говорим о воспроизводимости, я не знаю, до какой степени это игра и еще чего-то... и хранение каких-то «памятей»... я скажу сейчас немножко не в тему, но в принципе отсюда отталкиваясь... Социо-когнитивные движения... вот есть социокультурные изменения, то, о чем Сергей Александрович сегодня говорил... конечно, они отражают языковые какие-то вещи и, возможно, какие-то ментальные образы... Я знаете, над чем стал размышлять?.. Как я к этому пришел, неважно... Вот образ царя в русских сказках, да? Он в красном кафтане – правда? – обязательно, сидит на троне, и к нему приходят и говорят: «А мне вот сапоги худые продали». Да? И он наказывает злого купца за это. Правильно? Вот Вы обратили внимание на встречи президента с народом? (*общий смех*) Я в том году... Серьезно, я был просто восхищен! Я жалею, что я это не записал, потому что это объект для... какого хотите анализа. Значит, сообщение (идет програм-

ма «Время»): «Вчера пенсионерка Аргудяева...» (я фамилию запомнил!) «... позвонила... гаранту Конституции...» (имя сейчас называть не буду)... (смех) «... и сообщила, что она инвалид, живет на окраине Нижнего Новгорода и у нее нет телефона... Ей полгода власти обещают телефон, а она, как инвалид, без телефона жить не может» и всё... И вот! Президент звонит губернатору, губернатор призывает бригаду, в которой эти... кабельщики... я не знаю, я не специалист... (смех)

М.К. Устойчивая модель.

Д.Г. И вот они идут... И интервью... И это десятиминутный сюжет! В программе «Время»! Первый канал! И берут интервью у пенсионерки Аргудяевой, которая говорит «Спасибо большое!» Но понимаете, в чем дело? Мы можем сколько угодно над этим хихикать и хохотать... И посмотрите на рейтинги... в любом случае они достаточно высокие... Здесь проблема в том, что вот чем занимается царь! Понимаете? Вот царь сидит... ну, у нас уже у телефона... слушает жалобы народа... и объяснения генералов и помогает пенсионеркам аргудяевым, инвалидам чумаковым и так далее, и так далее...

С.Р. И инвалиды обращаются именно с этим...

Д.Г. Вот абсолютно точно!

С.Р. Не тогда, когда возникает дискуссия по проблемам законодательства...

Д.Г. Абсолютно точно!

С.Р. ... которое могло быть решить проблемы в том числе и пенсионерки такой-то...

М.К. Это опять речевые тактики...

С.Р. Но все сводится опять к тому, что каждый звонит и говорит: «А вот у нас в доме...»

Д.Г. Вот проблема воспроизводимости. Вот что это? Потому что понятно, что все-таки, прошу прощения, у нас не синкретическое общество... и если говорить уже философские термины... дискурсивное мышление давно развито, и понятно, что мы вообще ушли далеко от традиционного общества. И в общем любой человек, даже не шибко высокого уровня образования, вообще немного представляет, что государство – это сложная модель и что президент – хороший он или плохой – выполняет... ну, все-таки не пенсионеркам аргудяевым ставить телефоны он должен. У него какая-то немного иная функция. Все это понимают, но тем не менее как только... Я просто с нетерпением жду новой встречи... (общий смех)

Л.Ч. Но пенсионерам поставили телефон – и хорошо.

Д.Г. Но ведь постоянно идет вот эта вот...

Л.Ч. Все-таки это же вообще такая базовая, глубинная модель!

М.К. Конечно!

Л.Ч. Вот посмотрите, как... как мы разговариваем... Исключительно модель: «Вы чьи будете?» Она же у нас в сознании! Крепостного права давно нет, а... «А вы с какой кафедры? А, вы с кафедры Ремневой? Хорошо.»

Д.Г. Вот! Вот именно по фамилии.

Л.Ч. «Вы чьи?» Никого не интересует, с какой вы конкретно кафедры. Важно: где вы? у кого? кто над вами? «Вы чьи будете?» Вот это вот крепостная... я не знаю... составляющая... как хотите ее называйте... но это сегодня сильно в нас, потому что это – представление об устройстве. Представление о той власти на уровне повседневном.

Т.В. Можно спросить?

М.К. Может, это не про каждую кафедру так скажут? Ссылаясь на фамилию.

Д.Г. Мария Львовна, подожди, там вопрос.

Т.В. У меня жгучий, наболевший вопрос. Частично – к Людмиле Олеговне, частично... еще раньше... она уже ушла... частично – к Татьяне Борисовне. Все мы понимаем, что миф живет в пост-традиционном, современном обществе, в разных его уровнях... и так далее... Вот меня интересует: где проходит граница мифа применительно к тому, чем мы занимаемся. Вот конкретно научный...

Л.Ч. Это мифология, мифотворчество. В чистом виде.

Т.В. Это научный... научный разговор. Меня поразило немножечко сравнение, которое она [Т.Б. Дианова] сделала: свадьба как пространство, плотная зона метафоризации, символизации мифа и современная наука – это... как это?... зона того же самого... Так вот, собственно, чем мы занимаемся, как не в некотором смысле активным культурным мифотворчеством?

Л.Ч. Конечно. Именно этим...

В.К. Именно этим мы занимаемся.

Т.В. Вот где начинается анализ? Как?

С.Р. Я бы сказал, что мы занимаемся конструированием все-таки... которое в некоторых зонах оказывается близким к мифотворчеству.

Л.Ч. Но сейчас мы выступаем больше как аналитики.

Т.В. Да, когда переходит одно в другое? Меня вот это очень интересует.

С.Р. Нет, но оно не обязательно переходит. Нет-нет, тут есть нормальное коммуникативное и языковое... опосредующее... я как-то стараюсь все к языку перевести, потому что это то, чем, вообще-то говоря, мы обязаны заниматься... и по идее лучше всего знаем... это составленные речи из готовых элементов.

Л.Ч. Да.

С.Р. Вот. Научная речь – это речь из готовых элементов. Не предполагается активная индивидуальность стиля, потому что она будет мешать процессу коммуникации. В этом смысле...

Т.В. То есть в той мере, в какой мы придерживаемся научной или наукообразной речи, мы занимаемся наукой? (*смех*)

С.Р. Да-да-да.

Т.В. А той, в которой мы от нее отступаем, мы занимаемся поэтизированием и мифотворчеством?

С.Р. Да. Это может быть удачно, а может быть неудачно.

Т.В. То есть речь идет просто о выделении определенного словарного объема?

М.К. Не о мифотворчестве. Мы разрушаем для того, чтобы создать новое.

Л.Ч. Вот Вы знаете, интересное дело. Вот на нашей кафедре... ведущая кафедра университета – кафедра русского языка... я хочу сказать одну действительно интересную вещь, с которой я столкнулась совсем недавно... Я занималась действительно вот этими проблемами: культура, абстрактное имя, вот что в нем индивидуального... И однажды мне сказала коллега... «Знаешь, я как-то похвалила твою статью в разговоре с коллегой же с кафедры, но мне сказали... (это было давно, правда) мне сказали: “Ты знаешь, то, чем она занимается, это не наука”». Вот меня это очень заинтересовало. Кто устанавливает границы? Где они? То есть получается, что есть магистраль. На этой магистрали стоят столбы. И столпы. На них опирается официально признанная... как магистральная... официально признанное как магистральное направление. Я очень хорошо помню, как проходило обсуждение диссертации Дмитрия Борисовича.

Д.Г. Это была книжка.

Л.Ч. Я принимала в этом креативное участие. Креативное, к счастью. Так вот. Но взрыв парадигмы, взрыв научный, он начинается с обочин.

М.К. Да.

Л.Ч. Есть люди, которые не принадлежат «научным тусовкам», сознательно или бессознательно. Есть люди, которые походили и сами себя отградили от этого мифотворчества. И получается, что эта новая парадигма, которая ... вот она сейчас на гребне... оказывается, что те, которые занимались вот этими смыслами, феноменами культуры, они вот сейчас новую магистраль... Они теперь столпы этой новой магистрали. Что это, как не мифотворчество?

Д.Г. Мифотворчество.

Л.Ч. Это создание авторитетов. Только надо себе правду об этом сказать.

В.Б. Нет, ну можно возразить?

С.Р. Вы правильно здесь слово «парадигма» упомянули, но надо добавить сюда такие термины, как «нормальная наука»...

Л.Ч. Да.

В.К. Простите, у нас здесь давно уже...

В.Б. Разрешите возразить?

Л.Ч. Да-да, пожалуйста-пожалуйста.

В.Б. Дело в том, что получается так, что разговор у нас все время в одной плоскости мы ведем: язык и речь. То есть мы сводим все наши рассуждения к тому, что мы «говорим прозой».

Л.Ч. Простите, а Вы всегда знали, что Вы мифологически относитесь к слушателю, к себе?

В.Б. Нет, подождите.

Л.Ч. А как?

В.Б. Я хочу вот что сказать. Что при помощи нашего языка, который развился до определенной степени, мы можем строить модели разных уровней. Мы не только копии строим, мы строим и модели. И вот научная модель будет относиться к другому классу моделей. Причем это категориальная модель... чем та модель [в отличие от той модели], где фигурирует миф. Строить мифы – это значит [строить] модель типа ирреальности. То есть мы же различаем, где мы в реальности, где мы модель делаем...

С.Р. Простите, а те, которые мифы производят, они думают, что они чушь собачью говорят? Нет!

В.Б. Никогда!

С.Р. Ну так о чем мы тогда говорим? Где этот критерий реальности?

Л.Ч. Простите, но мы же не говорим о мифах как о рассказах о богах и героях!

В.Б. Подождите, дайте я доскажу.

Л.Ч. Да, пожалуйста.

В.Б. Вот смотрите. Классический миф – это все-таки фантазмагория, согласитесь.

Л.Ч. Я сейчас не об этом ... Мы сейчас не о богах. Сейчас о нас, грешных.

В.Б. Вот смотрите. Мы же отличаем модель реальности, которая нас окружает, от квазиреальной модели, о которой мы читаем...

Л.Ч. Вы умеете это разграничить?!

В.Б. В рассказах, например, в повестях...

Л.Ч. Вы умеете это разграничить?

В.Б. Да, я умею это разграничить. Да, потому что я этим занимаюсь, и уже много лет. Уже умею это разграничить. Но дальше. Дальше – модель ирреальности идет, так?

Л.Ч. Минуточку! Вот для Вас модель... Модель «текст – смысл» – это модель реальности? Модель уровневая, модель языка – это для Вас реальность?

В.Б. Для меня модель реальности – это газетное сообщение. Это реальность. Это модель реальности.

Л.Ч. Какой газеты? «Завтра» или «Сегодня»? (*общий смех*)

В.Б. Это информационное сообщение: «В столицу России пребывает такой-то президент...»

Л.Ч. Да где ж Вы такие видели? Газета «Правда» советского времени!

Ю.С. Володя, наука... если уж на то пошло, наука – это не что иное, как веселое занятие.

Л.Ч. Веселое, да!

Ю.С. А если это веселое занятие, то это мифологическое занятие.

Л.Ч. Да, миф! Веселый миф.

Ю.С. Знаешь, почему? Не потому, что что-то происходит на самом деле... Люди ищут некоторую целостность. Они хотят за нее ухватиться. Больше там ничего нет. Вот для этого она [наука] и существует.

В.Б. Давайте не будем смешивать поэтику и мифологию. Поэтика – это творчество, да. И на любом уровне может быть сотворена модель. И на реальном, и на квазиреальном, и на ирреальном, и абсурдная модель может существовать.

Л.Ч. Моделей может существовать сколько угодно. Реальность у нас одна.

В.Б. Нет, не сколько угодно. Пока что выделен только ограниченный класс моделей, который мы способны понять.

Л.Ч. И во главе стоит математическая модель, да?

В.Б. Нет.

Л.Ч. Ну а как?

В.Б. Нет, при помощи естественного языка.

В.К. Уважаемые коллеги! Я думаю, что проблема модели – это отдельная...

В.Б. Что такое модель?

М.К. Может, это и есть объяснение воспроизводимости?

С.Р. Нет-нет, это не об этом...

В.К. Нет, уважаемые коллеги, я прошу прощения, мне кажется, что это отдельная очень большая тема, которой надо посвящать отдельный большой разговор.

Л.Ч. и С.Р. Отдельный разговор.

В.К. ... потому что сейчас мы только скомкаем, в результате не закончим нашу предыдущую тему... Поэтому, если можно, мы перенесем это на следующий раз.

В.Б. Если можно, в этом обсуждении речь идет о копиях, о копировании... Что такое воспроизведение? Это копирование, копирование и копирование.

В.К. Нет! Это принципиально разные вещи! Это принципиально разные вещи!

С.Р. Можно я сейчас...

В.К. Да, конечно!

С.Р. Все понятно.

В.Б. Понятно, да?

С.Р. Да, все понятно. Я думаю, что мы здесь категорически с этим не согласны. Значит [так]... Очень хорошо и удобно... примерно так же, как удобно вкладывать в чужие пустые головы полезные знания... точно так же удобно говорить, что есть воспроизводство, или воспроизведение, и есть разрушение. И кроме них нет абсолютно ничего. Это очень удобно, но ровно так же, как пустая голова, ничему не соответствует. Значит, практически любое воспроизведение усилиями человека – это некое активное действие, которое предполагает минимальное осмысление... в очередной, может быть, сто двадцать пятый раз, но тем не менее применительно к данному контексту, усталости к вечеру и еще чему-то... Вот, человек не может... Чем отличается писец любой от... возьмите рукописную книгу и печатную... Вот, печатный... пятисотый экземпляр, может быть, краска немножко, так сказать, поблекнет, но он будет точно такой же, как и первый, а любая рукописная копия будет с отклонениями от оригинала.

Л.Ч. Обязательно, да!

С.Р. Значит, воспроизводимость никогда не бывает штамповкой.

Л.Ч. Нет, конечно.

С.Р. Ровно так же нет разрушения: «Вот сейчас мы все это к чертовой матери разнесем! И любая карикатура – это уже просто срам и все прочее!» Существует целая градация отклонений от того, что мы принимаем как воспроизведение, хотя оно само по себе уже не такое механическое, но тем не менее оно включает в себя группу, определяя некий диапазон, в котором воспроизведение какого-то повторяющегося элемента мы считаем именно воспроизведением.

Ю.С. Что значит, что человек читает лекции? Сразу чувствуется.

С.Р. Я, кстати, не читаю.

Ю.С. Как?! (смех) Я у нас в институте видел!

С.Р. Ну, это смешно, раз в неделю в течение нескольких месяцев... Это по сравнению с теми, кто здесь, профессионалами, это смешно. Вот между этим воспроизведением, которое, однако, не механическое, и между тем, что мы можем считать полным разрушением, идет...

Л.Ч. ... шкала...

С.Р. ... огромное поле перехода. И чаще всего разного рода отклонения от воспроизведения, они только подтверждают...

М.К. ... то, что существует.

С.Р. ... то, что существует, потому что они как-то обновляются...

М.К. Совершенно верно.

С.Р. ... актуализируют, обращают внимание на это. А разрушение...

М.К. А вот когда разрушение?

С.Р. А вот параметры разрушения – это отдельный вопрос.

М.К. Никогда, да?

С.Р. Нет, нет, возможно.

М.К. Парадоксальное и так далее?

С.Р. Есть некие критические, конечно, позиции, за которыми собрать обратно вот этот образ уже невозможно.

В.Б. А кто говорит о разрушении? По-моему, об этом речь не шла вообще. Речь шла о функции игры, разрушительной...

М.К. А это и есть...

С.Р. А почему же игра разрушительная, когда игра, как известно...

В.Б. Но понимаете...

С.Р. ... подтверждает только реальность?

В.Б. ... это на самом деле не разрушение. Кстати, об этом не вот этот автор говорил, об этом Лихачев писал еще очень хорошо. Смеховая культура на Руси, которая ниспровергает знаковые системы.

В.К. Об этом и Панченко писал, и другие.

С.Р. Но карнавалу сколько дней в году отводится? Классическому? Мало?

В.Б. Да.

С.Р. Ну, в разных странах по-разному.

В.К. Жалко, что ушла Татьяна Борисовна... Но карнавальная культура – это не наша культура изначально, разве нет?

С.Р. Это не наша.

М.К. Не-не-не, смеховая культура была на Руси.

В.К. Ну, смеховая – это другое.

Д.Г. Ну, антиповедение было.

С.Р. Но опять же карнавал ничего не отменяет. Карнавал – не революция!

Д.Г. Проблема-то в том, что антиповедение основывается на некоторой базовой системе.

Л.Ч. На поведение, конечно!

С.Р. Там все есть, конечно! Хорошо, но отличие карнавала от революции в том, что карнавал заканчивается, мусор убирается, и опять все по-старому.

М.К. Вот отсюда и воспроизведение. Воспроизводится база.

Д.Г. В этом все и дело! Тут смысл в том, что я это делаю немного с другим знаком, что вызывает комический эффект, эстетический эффект, какой угодно.

М.К. Да.

Д.Г. Когда в «Московском комсомольце» пишут: «Кучме не сдастся наш гордый «Варяг»... статья о Черноморском флоте, да? Понятно, чем вызван комический эффект, к которому стремился автор... вот изменения, да? Акцент идет на замененные элементы и прочее, но в основе-то лежит... Понятно, эффект трагедии, бурлеска... высокое содержание к низкому и так далее...

М.К. Но базовый текст остается.

Д.Г. Базовый текст остается.

М.К. Он воспроизводится. Он играет. В том-то все и дело.

Ю.С. Но игра еще не только в этом. Вы имейте в виду, что... Смех и игра сцеплены между собой. Да, это так. Но учтите, что игра, по сути дела, это серьезная вещь. Играют не с этими единицами. Играют с базовыми некоторыми единицами.

М.К. Это другой вопрос, и это тоже нужно рассмотреть.

Ю.С. С архетипами, там, где идет вопрос о жизни и смерти.

М.К. Совершенно верно.

Ю.С. Вот тогда это другое дело. Вот тогда можно и смех объяснить.

М.К. Как орудие. Нет, это понятно, Юрий Александрович.

Ю.С. Смех – это страх по сути дела.

Л.Ч. Конечно.

Д.Г. Иногда.

М.К. Они граничат.

Ю.С. Слушайте, ну я больше не могу. Вы как хотите, вы можете продолжать, а я уже выдохся.

Л.Ч. Вы знаете, я все сижу с бумажками [тезисами участников], сижу с этим... не знаю, текстом, который нам раздали. И каждый выразил свое суждение в этом тексте. А у меня вопросы прямо по ходу тексту. Ведь мы же все говорим... Сегодня вот тут вот сгусток научной [мысли]... дискурс, концепт – это вот то, вокруг чего сегодня действительно очень густо... представлено научное... не знаю, сознание, научная

мысль. Вот какой ни возьмешь автореферат... термин «концепт» там не нужен, он ничего там не делает, а есть...

С.Р. Так же как «в системе языка» в свое время, все было «в системе».

Л.Ч. Это все понятно. Все было «в системе». А где там система? Но вот вопрос простой: соотношение сознания... то, что здесь заявлено... вот мы тут читаем очень короткий пассаж: «Выход в концептосферу культуры возможен через анализ языкового сознания носителей языка, когда языковое сознание овнешняется при помощи оречевления сознания в заданной метрике, например, при помощи градуального шкалирования».

В.К. Автор – Евгений Федорович Тарасов.

Л.Ч. Вот у меня сразу... вот этот маленький пассаж дать студентам и спросить, что вы поняли.

М.К. Он воспроизводит себя.

Л.Ч. Мы говорим «понимание». Но это ведь предназначено для научного сообщества. Вот как здесь говорили? знания вкладывают, да? Спросить, что они поняли. Я даю на спецсеминаре куски из наших... из работ наших столпов и прошу: определите, что вы поняли. Вот абзац, вот кусок. Очень интересные результаты... У меня вопрос один здесь: если «анализ языкового сознания носителей языка», когда сознание «овнешняется» при помощи его «оречевления»... У меня вопрос такой: вот знак, он чем в сознание языковое входит?

В.К. Я не поняла вопроса. (смех)

Л.Ч. Очень простой вопрос: вот чем входит языковой знак в языковое сознание?

М.К. Хорошо входит и выходит, замечательно выходит.

Л.Ч. Не входит?..

Ю.С. Я не знаю, что такое сознание, поэтому Вы меня простите...

Л.Ч. Так, дальше. «Культурный концепт» и «стоящие за ними культурные смыслы». При этом здесь же утверждается, что «единица языковая» не равно «концепт». Обыкновенную подстановку делают: «культурный концепт» и «стоящие за ними культурные смыслы». Что тогда такое «культурный концепт»? Если за ним «стоят смыслы»? А смыслы могут стоять только за формой! За материей какой-то. У меня большой вопрос...

М.К. Надо создать словарь.

В.К. Людмила Олеговна, авторов здесь нет сегодня.

Л.Ч. Тогда у меня вопрос к тому, что сегодня здесь главный. Виктория Владимировна, тогда у меня вопрос к Вам. «Когнитивный, метафорический, эталонный, символичный» параметры, но! Для меня, по край-

ней мере... мы ведь все собрались поговорить, чтобы к некоторому единому смыслу прийти... Когнитивный для меня включает метафорический, а метафорический соотносится с символьным как вид и форма.

Д.Г. Да.

В.К. Для меня они так не соотносятся.

Л.Ч. Для меня метафора и символ – единицы одного порядка.

В.К. Понятно.

Л.Ч. Но они тоже связаны с когнитивностью. Или тогда: что есть знание?

В.К. Людмила Олеговна, я отвечаю по пунктам.

Л.Ч. Давайте.

Ю.С. У-у-у!

В.К. Нет, это будет очень коротко. Значит, первое. Эти четыре подсистемы никоим образом не разорваны. Одно перетекает в другое... это просто отдельный и довольно долгий разговор... они взаимосвязаны, поэтому их нельзя разрывать изначально. Просто, *что* находится в фокусе внимания. Вот так будет, наверное, правильнее. Потому что я через когнитивный уровень могу выйти на метафору, на эталон, на символ. Но я могу и от метафоры выйти на все остальное.

Л.Ч. А как через?.. Когда мы моделируем метафору... знание и представление, которое стоит за метафорой... мы уже уходим в когнитивную область.

В.К. Все верно. Это так же, как невозможно рассуждать о языке без самого языка... Смотрите, любая деятельность человека, абсолютно любая, любое проявление человека – это всегда движение. Вот она, эта базовая метафора. Начиная с «жизненный путь» и заканчивая «перевести разговор на» и так далее, и так далее.

Л.Ч. Хорошо.

В.К. Вот это лежит в основе. А уже потом я начинаю смотреть, а что там...

Л.Ч. Но это и есть когниция!

В.К. Нет.

М.К. Нет, это не когниция.

Л.Ч. Тогда что есть знание?

Ю.С. Виктория Владимировна сегодня заявляла, что молчит, а сама разговорилась...

В.К. Я сегодня специально молчала для того, чтобы...

Д.Г. Копила силы... (*общий смех*)

В.К. Нет, чтобы дать возможность высказаться коллегам.

С.Р. У меня есть одно предложение.

М.К. Словарик.

С.Р. Нет, нет.

М.К. Рабочий словарик.

Л.Ч. Да. Это уже назрело.

С.Р. Хорошее такое извинительное рассуждение. Вы знаете, мы сегодня явно сталкивались с целым рядом проблем, и мне кажется, что мы в них не виноваты... (*общий смех*) ... в том, что эти проблемы существуют. От этого нам не легче, к сожалению, но, похоже, что это есть некоторое свойство нашей дисциплины.

Ю.С. Ну, Бог знал, кому голову давал... (*смех*)

С.Р. Вероятно, так. И во всяком случае она ведь одна из самых древних. И как-то это, наверное, сказывается. Во всяком случае, языковедение и вообще филология по многим направлениям довольно далеко уходит вперед.

Л.Ч. От науки понимания к науке непонимания.

С.Р. Это нам жизнь облегчает, славы, к сожалению, не приносит...

Ю.С. А-га! Столбы и столпы...

Л.Ч. А, вот они! Вот они! Диктаты вербализации... (*смех*)

М.К. Это из области культуры...

С.Р. Но очень часто приходится сталкиваться с тем, что языковедение уходит так далеко, что ему не на кого, вот так в сторону, оглянуться. Ну, скажем, простая вещь, старая. Мы уже как минимум двести лет знаем, что были какие-то индоевропейцы, остатки которых сейчас говорят на разных языках от Атлантического океана практически до Тихого. Я беру даже сейчас не по всему миру, [только] старое расселение, так сказать... до Восточного Туркестана. Но до сих пор за двести лет археологи не удосужились нам показать, ё-моё, как же они это сделали [расселились на такой территории]! (*общий смех*) То есть мы им все уже разложили! Ну, вы найдите нам эти кости! Не могут они это сделать! (*смех*)

Ю.С. Так сгнили!

С.Р. Нет! Так в Туркестане же, в Восточном нашли же мумии... Замечательно, ДНК же можно снять с индоевропейца, они голубоглазые. Все сохранилось: голубые глаза, светлые волосы... Представляете? В Китае, в Синьцзяне практически, сидят в песке целые индоевропейцы... Не могут!.. И только вот сейчас они с ДНК стали работать, скажем, да? Или еще с каким-то вещами. Значит, вот за двести лет они совершенно не продвинулись... ну, там на какой-то микроскопический [шаг]... а мы их ждем двести лет: ребята, ну когда ж вы нам вообще отдадите эти материалы. А они вместо этого начинают иногда нас учить, как надо реконструировать язык, утраченное... не в свое дело лезть.

М.К. А нам мумию подавай! (*смех*)

С.Р. Да есть уже все, есть! Тоже благодаря нам.

Ю.С. Какая-то печальная нота...

М.К. Нет, почему печальная?

С.Р. Почему печальная, это оправдательная. Так же и с культурой, и с сознанием. Я согласен с Юрием Александровичем: я не знаю, что такое сознание. И тем более языковое.

Л.Ч. По счастью, что и никто не знает.

С.Р. Ну, я не знаю...

Л.Ч. Никто не знает.

Т.В. А что мы тогда транслируем в процессе обучения, меня тогда очень интересует. Мы воспроизводим свои незнания посредством чего?

М.К. Нет, мы не знаем, что такое сознание, но мы передаем информацию...

С.Р. Но ведь и относительно культуры никто не может до сих пор вот так хорошо ее представить. Есть какие-то у этнографов элементы, но опять же они такими кусочками...

В.К. Но я не уверена, что определения этнографов будут для нас работающими.

С.Р. Но если бы они были, пардон. Если бы они были в полном объеме...

В.К. А невозможно в полном объеме! Сергей Александрович, а Вы можете представить одно-единственное определение, что такое человек?

Л.Ч. Ой, я знаю, что такое сознание! (смех)

С.Р. Ну мы-то работаем!

Л.Ч. Совместное знание!

Д.Г. Господа, одну минуточку!

Ю.С. Нас уже выгоняют из аудитории... [Здесь должна быть лекция.]

Д.Г. Да, я знаю. Я только скажу и все. Я как валенок такой, человек глупый и примитивный... Мы очень много и долго говорим о теории... Мы говорим: мы не знаем, что такое культура, что такое сознание, мы очень плохо понимаем, что такое фразеологизм на самом деле...

М.К. Ничего подобного! (смех)

Д.Г. И где его границы...

В.К. Нет, где его границы, где переход к прецедентным высказываниям, действительно, плохо [известно]...

Д.Г. ... что такое прецедентность. Нет, я именно это и имею в виду. Ядро – это понятно. Понимаете, есть вопрос такой... Вероника Николаевна Телия, сегодня здесь отсутствующая, очень любит повторять, что

вообще лингвист занимается двумя вещами (вообще все остальное – это от лукавого) – это грамматика и словарь.

М.К. Цитируя Виноградова, говорит она.

Д.Г. Про грамматику пока не говорим. Есть некие единицы... Фразеологизмы есть? Есть. Мы их употребляем. Есть некие устойчивые... как хотите, мы их называем «прецедентные высказывания»... «логоэпистемы» – сейчас вот Костомаров слово придумал (*смех*)... «языковые афоризмы»... я не буду сейчас спорить, как они называются... такого типа единицы есть... Есть некие коды культуры, ну совершенно очевидно, что есть кровь, есть вода... и другие вещи есть... и концепты есть: есть и «честь», и «совесть», и «отвага», и другие имена... за которыми стоят многие высокие вещи. Мы можем сейчас придумать, как их назвать. Вопрос вот какой: это нуждается в словарном описании? Я сейчас очень узко говорю, конкретно: словарное описание, лексикография. Ну, если мы должны это описывать, мы должны писать словари. И вся теория должна, с моей точки зрения, в этой ситуации, и вся терминология, которую мы вырабатываем, должна подстраиваться под эти конкретные вещи. Потому что некие абстрактные рассуждения мы очень долго будем обсуждать. Но вот мне надо, грубо говоря... есть телесный код культуры... я о своем, прошу прощения, то, что я могу сказать... есть нос, есть кровь, есть сердце, есть голова, есть рука и прочее. Мне их как-то надо описывать. Соответственно, я все эти термины ищу под это... Если мне надо...

М.К. Понятно.

Д.Г. ... описать совесть, страх и прочее... Понимаете, Ваш подход, Людмила Олеговна, степановский подход, Вежбицкой подход, Телия подход...

М.К. В процедуре описания будет разница.

Д.Г. Они там в чем-то пересекаются, в чем-то расходятся...

М.К. Да.

Д.Г. Понимаете, но я здесь понимаю конкретную задачу, и я вижу, что вот эта теория вытекает вот из этой конкретной задачи. И я призываю, уважаемые коллеги, опираться на конкретные практические ситуации, и тогда, по-моему, получается гораздо лучше.

Т.В. Но тогда получается, что вся теория культуры в итоге воспаряет – или должна воспарить – к нормальной позитивистской классификации.

Л.Ч. Да.

Д.Г. Я считаю, что даже из обратного все идет. Начинается все с элементарной классификации...

Т.В. И лучше уж не воспарять.

Д.Г. ... а потом уже идет...

Ю.С. Я возражаю. Это не к нему. Это не он придумал. Это Шейман...

М.К. Новый, новый термин, чтобы не отстать от жизни: «сапиентема». У меня корректура «Язык и культура» Верещагин и Костомаров, книга выйдет сейчас.

В.К. Чудно. Так, коллеги, если Вы позволите, я буду подводить некоторые итоги, потому что времени уже много, и мы уже все немножко устали. Что вынесла для себя сегодня я? Вы, наверное, обратили внимание, что сегодня я в основном молчала и слушала. Обычно я веду себя более безобразно, коллеги знают.

М.К. Так это способ заставить тебя молчать?

В.К. Да. Первое. Сегодня был первый такой, как мне кажется, пробный вариант – [попытка] совместить людей, которые стоят на разных позициях... Людмила Олеговна, как Вы однажды сказали: несмотря на разницу, мы все-таки идем в одном направлении. Вот мне было очень интересно...

Л.Ч. Я тогда была оптимистом. (*общий смех*)

В.К. А, вот так, да? Ну, тем более. Мне было очень интересно в одной аудитории по одним проблемам собрать людей, которые по-разному смотрят на эти проблемы, стоят на разных позициях. И все-таки мне кажется, что что-то общее у нас вычленяется. У меня есть такое большое подозрение.

Л.Ч. Да.

В.К. Это первое. Второе. Я поняла, что очень много вопросов... Мне, например, надо будет еще раз передумывать все то, что я сегодня здесь услышала, потому что интуитивно я чувствую, что на целый ряд вопросов ответы сегодня были. Как это ни смешно. Хотя, казалось бы, была такая «разрозненная» дискуссия, в разные стороны нас тянуло, но все-таки какие-то ответы были найдены. Мне просто надо переосмыслить всё это еще раз – то, что сегодня прозвучало. Вместе с тем я поняла, что есть целый ряд вопросов, блоков вопросов, проблем, по которым нам просто жизненно необходимо встречаться дополнительно и дополнительно говорить. Конечно, проблема терминов... Людмила Олеговна, я сама, благодаря своим учителям – Майе Владимировне Всеволодовой и Веронике Николаевне Телия, я сама «пуристка» в сфере терминов. Я понимаю, что модные термины, к сожалению, есть. И с ними надо каким-то образом разобраться, хотя бы в стенах Московского университета, чтобы мы хотя бы друг друга понимали достаточно адекватно. Это не значит, что я, например, говоря о психолингвистике и рассуждая в терминах и категориях психолингвистики, буду использовать термин

«дискурс» так, как Вы его понимаете. Но мне очень важно знать, как Вы в своей парадигме этот термин понимаете и используете, чтобы не было путаницы. Иначе говоря, есть блок терминологических проблем, которые надо достаточно серьезно обсудить и... речь сейчас не идет о том, чтобы прямо сейчас создать какой-то словарь...

Л.Ч. А я бы черновой вариант, рабочий...

Д.Г. Материалы к словарю.

Л.Ч. Материалы к словарю... И чтобы каждый... каждый, думаю, сможет коротко и ясно изложить.

В.К. Тогда имеет смысл одну из встреч, если такого рода...

Л.Ч. Но определить надо термины...

М.К. Терминологически...

Л.Ч. ... термины, по поводу которых будет встреча.

В.К. То есть составить некий словник, да? Если аудитория согласна эту проблему тоже обсудить в будущем...

Л.Ч. Извините, я сейчас вспомнила «Словарь когнитивных терминов»... Ну совершенно неработающая книга... А это словарь!

М.К. Он просто узкий.

В.К. Нет, там эклектика.

Л.Ч. Да не узкий он! Люди, которые писали этот словарь, плохо понимают, что там за этими терминами стоит.

Ю.С. Я с удовольствием донесу... (смех)

Л.Ч. Донесите... Но в аудитории не работает!

Д.Г. Кстати, я сейчас в рамках общего курса кафедрального готовлю тест экзаменационный... я очень коротко говорю... Я, естественно, пользуюсь терминами и, говоря о теории коммуникации, говорю об инференции... ну, неважно... экспикатура, импликатура... и дискурс, кстати... мне это нужно формализовать, да? Чтобы вынести это в контрольную работу. Я полез в этот словарь первым делом.

В.К. Там нет определений!

Д.Г. Да. И с ужасом обнаружил, что я не вижу определений.

В.К. Ну, нету там определений. Мы уже выяснили, что нужно делать свой словарь.

Т.В. Этот словарь – это выход на очень практические проблемы. И его надо делать не только лингвистическим.

М.К. И еще хорошо было бы провести обсуждение такого процедурного исследования, описания конкретных языковых и не только языковых... там коммуникативных... То есть словарь: терминология и процедура...

Л.Ч. Очень хорошо.

М.К. Чтобы показать как. Просто вот взять в руки, ну вот «как в воду глядел» и показать: значение – вот оно, оно интерпретируется в таком-то знании, отсюда вылезает оценка, оно воспринимается так-то, этому сопутствует то-то, то-то...

В.К. Хорошо.

М.К. Просто процедурные описания на конкретных языковых примерах.

Л.Ч. Это было сформулировано уже очень давно, в 97-м году...

В.К. Маш, сформулируй более точно: это процедура описания?

М.К. Да, процедурное описание.

Л.Ч. Процедура описания того, что воспроизводимо.

В.К. На мой взгляд, это уже не одна, а две встречи. За одну встречу мы все это не сможем обсудить.

Т.В. На самом деле, это совсем даже не одна встреча. Эта очень большая работа.

В.К. Да, конечно. Но на первое время. И еще одна проблема, которая в рамках той парадигмы, которая здесь сегодня была заявлена, мне кажется очень интересной – это проблема игры. Не так, как это делает, например, Нина Давыдовна Арутюнова, хотя, конечно, у нее можно многое что взять... но не только... То есть это идея игры как таковой: и языковой, и культурной... во всяком случае, здесь есть еще что сказать...

Д.Г. Но не витгенштейновской?...

В.К. Нет-нет. Теперь по процедуре описания. Сегодня здесь звучало несколько раз: что такое коды культуры? На самом деле ни разу ответа не прозвучало. Наверное, стоит поговорить отдельно?

М.К. А мы и не хотели говорить.

В.К. Мы не хотели. Да.

Д.Г. Я могу рассказать.

Ю.С. Что, сейчас?!

В.К. В следующий раз.

Ю.С. Не надо сейчас...

Л.Ч. Нет, подождите. Мы ведь говорили сегодня... Есть соматический код, гастрономический, да? Ну так и скажите людям, что это такое.

В.К. Да мои студенты знают.

Ю.С. Они всё знают.

В.К. И возможно, уже после терминов, после процедуры и так далее... мне бы все-таки очень хотелось поговорить о проблеме концептов и концептов культуры.

М.К. А это как раз к терминологии... там это все.

В.К. Нет. Там это начнет проясняться, но, думаю, что мы выйдем на отдельный разговор.

М.К. И процедурное на это и выйдет. И то, и другое выходит на концепт.

В.К. Может быть. Так, хорошо, тогда я...

В.Б. И еще одна проблема. Неточная воспроизводимость.

М.К. Это игра. Игровая ошибка...

В.К. На самом деле это проблема канона, которую мы тоже хотели обсуждать отдельно...

Л.Ч. И еще я бы предложила типологию знания, уж коль скоро мы работаем в этой самой когнитивной, как теперь говорят, парадигме антропоцентрической. Все-таки какие виды знаний существуют?

В.К. Хорошо, но обо всем этом надо думать. Уважаемые коллеги! Спасибо всем за присутствие и за участие!

Ю.С. Вам спасибо!

В.К. До следующей встречи!